

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Омская академия

ПРАВО И ПОЛИТИКА:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

*Тезисы докладов и сообщений участников
всероссийской научно-практической конференции*

17 ноября 2017 г.

Омск
ОМА МВД России
2017

УДК 342.1/.3(082)

ББК 67.0

П 68

П 68 Право и политика: история и современность : тезисы докладов и сообщений участников всерос. науч.-практ. конф. 17 ноября 2017 г. / отв. за вып. Т. Е. Грязнова, А. В. Быков. — Омск : Омская академия МВД России, 2017. — 124 с.

ISBN 978-5-88651-664-7

В сборнике обсуждаются теоретические и практические проблемы развития и функционирования государства и права. Проведен анализ направлений правовой политики Российской Федерации. Освещены вопросы взаимодействия российского общества и государства на различных исторических этапах.

Предназначено для профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников, адъюнктов и аспирантов образовательных организаций МВД России.

УДК 342.1/.3(082)

ББК 67.0

ISBN 978-5-88651-664-7

© Омская академия МВД России, 2017

М. Г. Абрамова

Парламентский контроль и политическая коммуникация: pro et contra

Государство как особый институт политической власти в современных условиях претерпевает существенные изменения. В эпоху глобализации неспособность классического государствоведения объяснить идущую модернизацию государственных институтов и учреждений, а также функций и принципов государственного управления становится все более очевидной. И тогда реальную конкуренцию устаревшей теории государства начинает составлять конституционный плюрализм [1–3]. Так, в противовес традиционной теории разделения власти на три ветви (как главного принципа строительства демократической государственности) все заметнее становится вариативность ее модернизации. В Конституции Алжира в 1976 г. были названы шесть властей, а в Конституциях Венесуэлы 1999 г. и Эквадора 2008 г. — пять ветвей, в том числе избирательная и контрольная, а также система защиты прав человека [4, с. 310, 330]. В современной теории государства как особую власть начали выделять средства массовой информации, хотя они и не являются носителями государственной власти [5, с. 162]. Иногда встречается учредительная власть. Есть государства, в которых принцип разделения властей не действует вовсе [4, с. 250]. Сказывается ли отсутствие конституционно закрепленного принципа разделения властей на качестве государственного управления в ФРГ, Швейцарии, Великобритании, Китае?

Единичный, но яркий пример конституционно-правовой полифонии демонстрирует неэффективность господствующей позитивистской концепции иерархичности государственно-правовых систем, разработанной Хартом и Кельзеном еще в середине XX в. Аналогично буксует и концепция гармонизации законодательства и имплементации международных правовых норм и ценностей в национальные правовые системы, поддерживаемые бюрократией Европейского Союза [6].

В таких условиях важен вопрос, касающийся действенности и реальной эффективности сложившихся в том или ином конституционном правопорядке институтов. Интересен, на наш взгляд, анализ института парламентского контроля в современной России, поскольку именно он выступает каналом коммуникации, будучи одной из основных составляющих управления. Отметим, что де-юре некоторые его формы появились еще в Конституции 1993 г. (согласие Президента

России на назначение Председателя Правительства, решение вопроса о доверии Правительству Российской Федерации, парламентские слушания и т. д.). Институт парламентского контроля не статичен, позже возникли его новые формы. Например, в 2005 г. был принят Федеральный закон «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации»¹, а в конце 2008 г. в Конституцию Российской Федерации были внесены поправки, касающиеся заслушивания Государственной Думой ежегодных отчетов Правительства о результатах его деятельности.

Именно эти формы могли бы стать рабочими каналами коммуникации государства и общества, однако на практике реализация их деятельности затруднена. При наличии нормы об отчетности Правительства перед Федеральным Собранием РФ такие годовые отчеты не вызывают публичной заинтересованности, а парламентские расследования касаются узкого круга тем. Сверхзадачей парламентского контроля является публичная оценка правительственной деятельности с точки зрения ее законности и эффективности. Правительственный курс должен подвергаться необходимой коррекции с позиции конституционных требований и социальных запросов. Такого в современной России не происходит, поскольку принятый в 2013 г. закон явно декларативен, не устанавливает ни структурированной и упорядоченной системы осуществления парламентского контроля, ни его легальной дефиниции, а лишь повторно закрепляет уже существующие формы парламентского контроля. Перечень субъектов, кому могут быть направлены парламентские запросы, не увеличен. Без внимания остались такие важные субъекты государственного управления, как государственные корпорации и компании, государственные органы субъектов Федерации. Предметом парламентского расследования не могут быть вопросы коррупции, расходования бюджетных средств и исполнения бюджета, законности деятельности федеральных органов исполнительной власти и их руководителей, деятельности Президента РФ, органов дознания или органов предварительного следствия, осуществляемой ими в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством страны. Более того, процедура возбуждения парламентского расследования очень сложна. Парламентский контроль в России продолжает быть деклара-

¹ О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации : федеральный закон от 27 декабря 2005 г. № 196-ФЗ (ред. 07.05.2012). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тивным, в то время как именно этот институт выражает идею ответственности публичной власти перед гражданским обществом, является механизмом ограничения роли исполнительной ветви власти в системе разделения властей.

Список литературы

1. *Абрамова М. Г.* Политико-правовая аксиология нового конституционного строительства в Латинской Америке // Юридическая мысль. 2014. № 4(84). С. 87–93.
2. *Азнагулова Г. М.* О правовой политике национального государства в условиях глобализации // Вестник Башкирского университета. 2015. № 1. Т 20. С. 362–366.
3. *Костокрызов П. И.* Феномен латиноамериканского неоконституционализма // Право и политика. 2016. № 12. С. 1492–1500.
4. *Попова А. В., Абрамова М. Г.* Конституционное право зарубежных стран. 2016.
5. Общая теория государства и права : академич. курс в 2 т. / под ред. М. Н. Марченко. М., 1998. Т. 1.
6. Европейский Союз в XXI веке: время испытаний. Сер. Старый Свет — новые времена. Европа. М., 2012. 656 с.

М. К. Алафьев

Некоторые проекты реформирования внутренней стражи сельской полиции во второй половине XIX века

По данным III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, накануне подготовки и отмены крепостного права напряженность в сельской местности усиливалась. Если в 1858 г. было отмечено 86 случаев выступления крестьян, то в 1860 г. уже 108. В ходе проведения крестьянской реформы социально-политическая обстановка в деревнях еще более осложнилась. В ответ на массовые крестьянские волнения коронная власть предпринимала ответные меры. Согласно «Временному наказу уездным полициям» от 16 августа 1861 г., в чрезвычайных обстоятельствах не только губернаторы, но даже полицейские исправники и городничие наделялись правом призывать для содействия полиции войска [1, с. 245–246]. Предпринимавшиеся в ходе реформы попытки укрепить полицию специальными подразделениями не давали желаемых результатов. Привлечение жандармских сил и ко-

манд внутренней стражи по причине их принадлежности к разным ведомствам (полицейскому, жандармскому и военному) оборачивалось слабой эффективностью в оперативном плане. Руководство МВД вынуждено было обратиться к мнениям с мест об устройстве полицейских команд сельской полиции.

В проекте статс-секретаря П. А. Валуева впервые приводится суждение об устройстве внутренней стражи в виде особых команд, подчиненных непосредственно полиции. По его твердому убеждению, «...для успешного действия полиции необходимо дать в непосредственное ее распоряжение особую силу, которой бы она могла располагать, не тратя времени на предварительные сношения с каким-либо ведомством» [2, с. 214]. В качестве конкретных мер по вопросу устройства внутренней стражи предлагалось:

- 1) передать в непосредственное управление полиции все отдельные военные команды, на которые возложено исполнение чисто полицейских функций по охране общественного порядка;
- 2) образовать при полиции особые команды, а любые другие (во избежание лишней траты сил и средств) упразднить.

Проект бывшего витебского губернатора П. П. Косаговского содержал предложения организационного устройства команд, находящихся в компетенции жандармского управления. В частности, предлагалось людей, составлявших команды, распределять по всем уездам губернии между станowymi приставами в определенном (для каждого полицейского жандарма) участке. В военно-инспекторском отношении полицейские составляют несколько команд, подведомственных офицерам корпуса жандармов, находящихся под управлением начальника губернского жандармского управления.

Исходившие от губернаторов предложения с мест объективно не могли обернуться масштабной программой по устройству внутренней стражи сельской полиции: на эти цели не было денег. В качестве временной меры, вызванной политическим положением в ряде губерний страны, указом Александра II от 27 ноября 1863 г. в них учреждались уездные полицейские команды, каждая из которых состояла первоначально из 31 человека нижних чинов, 16 конных и 15 пеших, подчинявшихся офицеру корпуса жандармов. В инспекторском отношении полицейские команды по-прежнему подчинялись жандармскому ведомству, а по служебной линии — генерал-губернатору.

Список литературы

1. Борисов А., Малыгин А., Мулукаев Р. Три века российской полиции. М., 2016.
2. Анучин Е. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России с Учреждения о губерниях 1775 г. до последнего времени. СПб., 1872.

Р. З. Амиров

Военно-административное управление среднеазиатскими территориями Российской империи: историко-правовые аспекты

Характерной особенностью Российской империи являлась милитаризация государственного механизма, отражавшаяся на системе государственного управления. По оценке И. А. Исаева, такая система управления зародилась в недрах дружинной организации, а затем превратилась в военно-административную [1]. В научной литературе отмечается недостаточная разработанность историко-правовых и теоретических проблем военно-административной системы управления в России [2].

Правление Александра II характеризовалось некоторым ослаблением чрезвычайных мер в системе государственного управления. На окраинах империи, а также в условиях обострения внутренних угроз безопасности правительство было вынуждено прибегать к милитаризации государственного управления. Определенной спецификой обладала система военно-административного управления присоединенными территориями Средней Азии, сложившаяся к середине 60-х гг. XIX в.

«Положением о Военном министерстве» 1867 г. к ведению Азиатской части Главного штаба были отнесены вопросы военно-административного и военно-народного управления. В соответствии со ст. 2 именного указа «Об образовании Туркестанской области» от 12 февраля 1865 г. управление областью и командование всеми расположенными в ней войсками поручалось особому военному губернатору. В статье 2 «Положения о Военно-Окружных управлениях» от 6 августа 1864 г. отмечалось: «Если обязанности Главного начальника военного округа возлагаются на местного генерал-губернатора, то ему присваивается и звание Командующего войсками округа». В соответствии с дан-

ной нормой и согласно «Временному Положению об управлении Туркестанской областью» от 6 августа 1865 г. область находилась в ведении Оренбургского генерал-губернатора, который одновременно являлся командующим военным округом, возглавляя как военное, так и военно-народное управление. В соответствии с указом императора от 11 июля 1867 г. все гражданские управления в областях Туркестанского генерал-губернаторства поступали в ведение военных губернаторов областей. Высочайше утвержденное 13 июля 1867 г. «Положение о Военном Управлении в областях Туркестанского Военного Округа» определяло сущность военно-народного управления, подробнее изложенного в проекте «Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях». Хотя проект не был утвержден, фактически он действовал вплоть до 1886 г. Управление краем находилось в ведении военного министерства, формировавшего нормативно-правовую базу соответствующего направления деятельности. Туркестанский генерал-губернатор, руководивший состоявшим при нем советом военных губернаторов областей, получал больше прав действовать по собственному усмотрению, в том числе и в сфере обеспечения внутренней безопасности, имея полномочия по применению мер исключительного характера. В дальнейшем возложенные на военное министерство функции по управлению краем частично были переданы гражданским властям в соответствии с «Положением об управлении Туркестанским краем» 1886 г., вследствие чего сложились административно-полицейская (МВД) и военно-административная (военное министерство) системы управления. Однако военно-народное управление было более привычно и понятно «туземному» населению, в связи с чем военно-административные начала продолжали применяться не только на территориях, управляемых военным министерством, но и в областях среднеазиатского региона, подведомственных МВД. Наличие двух управленческих систем нашло отражение в параллельном существовании полицейских органов, подчиненных указанным ведомствам: полиция, подчиненная военному ведомству, возглавлялась военными офицерами. В ведении МВД находилась общегосударственная полиция, комплектовавшаяся по вольному найму.

Таким образом, традиции кочевой военной демократии коренных народов степного края и военно-феодального управления «туземным» населением Туркестана предопределили преимущества военно-административной системы управления в сравнении с административно-полицейской, действовавшей на основной территории империи. Воени-

зированные императивы государственного управления в данном регионе выражались в подведомственности обширных территорий военному министерству, военным губернаторам, в сосредоточении военной и гражданской власти у генерал-губернатора (за весь период существования Российской империи только 9% от их общего числа имели гражданский чин [3]). Деятельность военно-административного аппарата во многом способствовала осуществлению экономических преобразований, обеспечению безопасности и правопорядка, разрешению межэтнических и межконфессиональных конфликтов на присоединенных к Российской империи среднеазиатских территориях.

Список литературы

1. *Исаев И. А.* История государства и права России. Изд. 2-е. М., 2002. 336 с.
2. *Литвинов П. П.* Органы департамента полиции МВД в системе «военно-административного» управления Русским Туркестаном. Елец, 2007. 539 с.
3. *Лысенко Л. М.* Губернаторы и генерал-губернаторы в системе власти дореволюционной России : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001. 358 с.

И. А. Андреева

О понятии «полицейское государство»

Понятие «полицейское государство» в отечественной юридической науке употребляется в различных смыслах. В последние годы появилось немало интересных работ, посвященных данной проблематике, в одной из них ее актуальность обусловлена тем, что государство вынуждено считаться с дискурсивным и институциональным наследием эпохи полицейского государства в сфере организации и деятельности полиции [1, с. 184]. Мы предлагаем под «полицейским государством» понимать первую, начальную фазу государства. В формировании современных государств Западной Европы можно выделить три стадии — ранний, средний и зрелый модерн и три исторических подтипа государства (полицейское, легальное, правовое) [2; 3]. Периоду раннего модерна соответствует полицейское государство, идеологическим оправданием которого было осуществление публичного интереса. Средний модерн ознаменовался переходом от полицейского к легальному государству, постепенно создающему механизмы обеспечения верховенства права

в осуществлении власти как воплощения легитимно сформулированной воли большинства или общей воли, реализации принципа разделения властей. Деятельность полицейская преобразуется в форму правоохранительной, вписанной в среду права, функции института полиции сужаются. На стадии зрелого модерна происходит трансформация государственно-правовой реальности в соответствии с выработанными идеями правового государства. В осуществлении правоохранительной деятельности институт полиции все больше ориентируется на обеспечение прав и свобод граждан, на их потребности в сфере обеспечения безопасности.

Полицейское государство характеризуется созданием сильной административной власти, которая в управленческой деятельности ориентируется на достижение конкретных целей, а не на соответствие административным процедурам. Это приводит как к многопредметности административной деятельности, так и к неограниченному вмешательству в жизнь подданных. Социальным оправданием полицейского государства было осуществление им общего, публичного интереса, или «*raison d'État*». Сложная идеологическая конструкция европейской государственно-правовой мысли не только указывает на интересы государства как на рациональное основание действия государства, но предполагает, что государственное управление способствует развитию рациональности и отражает ее прогресс в обществе.

Управленческие особенности государства этого периода (сильная административная власть в принятии управленческих решений практически ничем не ограничена) были обусловлены спецификой решаемых им задач (усиления, контроля, надзора, умножения и организации сил, которые власть себе подчиняет), поскольку активным, если не определяющим, субъектом процесса модернизации общества, создающим те экономические, социальные, культурные основы, без которых государство модерна существовать не может, являлось само государство. В. М. Гессен так характеризовал полицейское государство: неимоверная многопредметность административной деятельности, регламентация мельчайших подробностей народной жизни, мелочная и назойливая опека над подданными — одним словом, то, что немцы удачно называют *Vielregiererei* (гувернаментализм). Французский правовед Р. Карре де Мальберг определил полицейское государство как такое государство, в котором административная власть может неограниченно и с более или менее полной свободой принятия решений применять по собственной инициативе в отношении граждан все меры, которые она сочтет полезными, соот-

ветствующими конкретным обстоятельствам, для достижения целей, которые она сама определит.

Полагаем, что этап полицейского государства следует характеризовать как фазу становления современного государства, ярко выраженную для ряда стран, прошедших процесс модернизации государственного образца, который в значительной степени является переходным моментом от традиционного государства к современному. Осуществляя задачи дисциплинирования, воспитания, надзора, заботы, держава этого периода опиралась на традиции христианской церкви, использовала ее модель «пасторских» отношений между властью и управляемыми, прокладывала дорогу в будущее. Население предстает в качестве главного элемента богатства государства в трудах его идеологов — камералистов (Л. фон Штейн, И. Г. Г. фон Юсти и др.), а потому становится объектом воспитания, оздоровления, гигиены, просвещения, приобщения к культуре и т. д. со стороны государства. Полицейское государство реализовывало проект приобщения масс к цивилизации, увеличения уровня духовного развития и просвещения народа, но, разумеется, на основе предположения, что индивид не знает и самостоятельно не может определить условия общего блага и нуждается в духовном руководстве. Понятие «полицейское государство» и его цели со временем приобрели негативные оценки, когда детальная регламентация всех сфер общественных отношений стала тяготить общество. Однако в период становления параметров нового мира сильное правительство, создающее путем принуждения необходимые предпосылки для духовного и материального благосостояния подданных, было исторически необходимо.

Список литературы

1. *Нижник Н. С.* Полицейское государство — государство «всеобщего благоденствия и всеобщего счастья» // Genesis: исторические исследования. 2016. № 6.
2. *Андреева И. А.* Полицейская система Франции : монография. Омск, 2011. 232 с.
3. *Андреева И. А.* Полицейская система Франции: генезис, формирование, развитие (вторая половина XVII — начало XXI вв.) : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2015. 396 с.

А. В. Ануфриева, М. С. Широкова

Проблемы правового регулирования оказания медицинской помощи осужденным к лишению свободы

В настоящее время трудно найти категорию граждан, предоставление медицинской помощи которой было бы более проблемной, чем лицам, осужденным к лишению свободы. По данным пресс-службы Федеральной службы исполнения наказаний (далее — ФСИН) России, по состоянию на 1 апреля 2017 г. осужденных обслуживает 144 больницы различного профиля, а также медицинские части и здравпункты исправительных учреждений (далее — ИУ). Обратим внимание, что медицина в уголовно-исполнительной системе претерпевает общие проблемы здравоохранения (в части нехватки оборудования, кадрового дефицита, недостатка медикаментов и т. д. [1]).

Право на бесплатную медицинскую помощь по общему правилу имеют застрахованные лица за счет средств обязательного медицинского страхования (далее — ОМС). Федеральный закон от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании» устанавливает, что осужденные являются застрахованными лицами, так как они не относятся к исключениям, перечисленным в п. «ж» ч. 5 ст. 10. Данное положение подтверждается письмом Федерального фонда ОМС от 18 августа 2011 г. № 5472/30-и. Нами было выяснено, что на практике страховые медицинские организации исключают осужденных из списка застрахованных лиц, поскольку считают, что они должны получать медицинскую помощь исключительно в ИУ. Руководители одной из медицинских организаций Омской области по данному вопросу пояснили, что оказание медицинской помощи осужденным за пределами ИУ возмещается ФСИН России.

Таким образом, фактически осужденные не входят в число застрахованных лиц по ОМС, что, на наш взгляд, противоречит федеральному законодательству, хотя существует обязанность работодателей, заключивших трудовой договор с осужденными, уплачивать страховые взносы на ОМС. Считаем целесообразным внести изменения в ч. 1 ст. 10 Федерального закона «Об обязательном медицинском страховании», закрепляющую перечень застрахованных лиц, включив в нее прямое указание: «*в том числе осужденные*» (во избежание неверного толкования правовой нормы).

Нами было проведено исследование, целью которого являлось определение основных проблем, связанных с реализацией права на ме-

дицинскую помощь для осужденных, которые в ней нуждаются вне ИУ. Для достижения поставленной задачи на базе Федерального казенного учреждения следственного изолятора № 1 Управления ФСИН России по Омской области был проведен социальный опрос в форме анонимного анкетирования. Общий объем выборки осужденных составил 16 респондентов мужского и женского пола в возрасте от 30 до 50 лет.

Результаты анкетирования осужденных показали, что большинству респондентов (93,6%) оказывалась медицинская помощь в ИУ. На вопрос «Оказывалась ли медицинская помощь за пределами ИУ?» положительно ответили 12,3% респондента, что подтверждает необходимость оказания медицинских услуг за пределами ИУ. Проблема получения осужденными медицинской помощи вне ИУ усугубляется отсутствием правового регулирования механизма ее предоставления. Считаем необходимым принять подзаконный нормативно-правовой акт, устанавливающий правила направления осужденных в организации здравоохранения и приглашения медицинских работников в место отбывания наказания (в том числе по просьбе осужденных), а также информирования осужденных о своих правах в области охраны здоровья.

Список литературы

1. *Бареев О. Н., Иванова Е. В.* Право на медицинскую помощь лиц, осужденных к лишению свободы и находящихся под стражей // Вопросы современной юриспруденции : сб. ст. по мат-лам VII междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2011. № 7. С. 125–130.

М. В. Баранова

Теория государства и права в новой реальности

С течением времени в жизни любого социума происходят изменения. Знаковые события, инновации в науке и технике дают толчок к изменениям в геополитической карте мира, в восприятии окружающей действительности, в понимании места человека в многополярном и сложном бытии. Глобализационные процессы, компьютерные технологии, доступность и поверхностность, мозаичность, а часто и бессистемность распространяемой информации, влияющей на установки и рефлексию людей по отношению к праву и государству, детерминируют современное состояние теории государства и права как науки и учебной дисциплины.

Позитивным, привлекательным в науке в настоящее время видится высокий уровень ее утилитарности, некоей прямой буквальной пригодности для развития того или иного вида профессиональной деятельности, ремесла. Ценность учебных дисциплин в сегменте высшего образования определяется близостью к практическому применению конкретных умений и навыков, на первый план выходят компетенции будущего специалиста. Подобный подход близок к опыту построения системы «технологического образования», когда будущий специалист владеет конкретными приемами и навыками деятельности, не понимая сути процессов, лежащих в их основе. Такой хорошо подготовленный ремесленник впоследствии будет нуждаться в постоянной переподготовке, так как не в состоянии самостоятельно понять суть новаций, освоить и применить новые знания, сформировать умения. Данный подход позволяет уйти от жесткого отбора обучаемых по интеллектуальному критерию и способностям к самоорганизации, саморазвитию, поскольку исключает освоение фундаментальных дисциплин, не востребует сложные для освоения результаты научного познания. Однако научный и социальный прогресс требует сформированного юридического мышления, глубоких знаний, владения приемами анализа.

Юридизация охватывает все большее количество областей жизнедеятельности современного человека, что обуславливает востребованность квалифицированных специалистов, способных профессионально помочь гражданам в осуществлении и отстаивании их прав и в исполнении обязанностей. К проблеме готовности и умения отстаивать свои права постоянно обращается Уполномоченный по правам человека в РФ в итоговых ежегодных докладах. Так, в докладе за 2014 г. Уполномоченный указывал на некоторое противоречие в восприятии гражданами собственной готовности защищать свои права и в представлении об аналогичных намерениях в этом вопросе со стороны сограждан. Респонденты в большей степени уверены в своей готовности и способности защищать права как самостоятельно, так и с помощью квалифицированного юриста, чем в потенциале своих сограждан в этой сфере. При этом отмечается пассивность граждан: «Правовой нигилизм — одна из главных проблем современного российского общества. Незнание собственных прав и неумение отстаивать их в сочетании с нерешительностью — таковы сложности, которые переживают граждане, волей обстоятельств ставшие жертвами произвола». Очевидно, что и в настоящее время ситуация кардинально

не изменилась, поскольку граждане не имеют достаточных знаний и цельных представлений о сути правовых процессов, не всегда доверяют профессиональной подготовке юриста, не осознают в полной мере ценность правовой науки.

Право, являясь продуктом научного прогресса, влияет на его развитие. Регулятивные механизмы права создают нормативно очерченную модель научного прогресса. Спектр действенных элементов этой модели широк, теория государства и права в состоянии определить основные пути ускорения научного прогресса доступными средствами.

Теория государства и права — изменяющаяся система неоднородных знаний. Она представляет собой определенную иерархию теорий, концепций, гипотез, категорий, понятий о правовой действительности. В ней присутствуют как высокоабстрактные идеи, так и прикладные рекомендации, носящие общеправовой характер. Исследование правовых проблем инновационных сфер деятельности, анализ конкретных приемов юридической техники, действующих в той или иной сфере, — элементы предмета теории государства и права, поскольку эти пласты знаний формируют механизм правового регулирования и потребность в многополярном юридическом мышлении.

Следует согласиться с мнением профессора В. В. Лазарева, указывающего, что «актуальным... представляется развитие „Теории государства и права“ в направлении анализа и освоения предметно-реального, уход ее от самопрезентации, популяризации созданных ею понятий и признаков» [1, с. 13].

Общество ждет от правовой науки и практики качественной опоры в трудностях правовой жизни новой реальности. Только планомерное, глубокое освоение фундаментальных знаний позволяет сформировать умения и навыки правотворческой, правоинтерпретационной и право-реализационной деятельности.

Список литературы

1. *Лазарев В. В.* О юридической науке: продолжение полемики // *Lex russica.* 2015. № 11.

А. К. Бекряшев

Уголовно-правовые ограничения: взгляд через призму экономического анализа

Понимание функции уголовно-правовых ограничений как средства создания стимулов, побуждающих индивида к социально полезному поведению и сдерживающих поведение социально нежелательное [1, с. 52], является общепризнанным. Однако при этом не в полной мере учитывается цель обеспечения экономической безопасности, что предполагает создание стимулов для минимизации совокупных издержек общества, связанных с ущербом от преступлений, деятельностью по выявлению, раскрытию, расследованию преступлений, привлечению к ответственности, а также исполнением наказаний [2, с. 300].

На примере статьи 159 УК РФ «Мошенничество», оценивая влияние параметров диспозиции и санкции на пространство судебных решений, принимая в расчет лишь величину ущерба, размеры штрафа и сроки лишения свободы, что, на наш взгляд, является допустимым упрощением, можем выдвинуть следующие предположения.

«За счет штрафа (как наиболее экономичного вида наказания) цель превенции в максимальной степени может быть достигнута по составу части 1 (отношение максимальный штраф/максимальный ущерб составляет 48), части 2 (1,2), а в ограниченной степени части 3 (0,5) при условии гарантированного привлечения к ответственности и нулевых издержках исполнения наказания, т. е. в этой идеализированной ситуации эффективным оказывается критерий компенсации причиненного ущерба (значение показателя больше или равно 1)» [2, с. 316]. В реальной ситуации превентивная эффективность максимального размера штрафа снижается, увеличивая вероятность применения наиболее затратного наказания в виде лишения свободы.

Другой аспект проблемы связан с неэффективными значениями «курса обмена» лишения свободы на штраф. Будучи измеренным в количестве размеров номинальной среднемесячной заработной платы на 1 год лишения свободы, в 2015 г. значение данного показателя составило: 1,8 — для частей первой и второй, 2,5 — для части третьей, 3,0 — для части четвертой анализируемой статьи. Значение так называемого обменного курса, на наш взгляд, занижено, а потому побуждает к назначению избыточных сроков лишения свободы (с точки зрения целей превенции).

Отмеченные несовершенства усиливаются под влиянием фактора инфляции. С момента вступления в силу действующей редакции названной статьи скорректированная на темп роста цен величина квалифицирующих признаков, связанных с ущербом, снизилась на 64%. Это свидетельствует о тенденции к усилению уголовно-правовой ответственности и созданию стимулов для избыточного назначения наказания в виде лишения свободы.

Целесообразно изменить стоимостные параметры квалифицирующих признаков с учетом инфляции, повысить максимальный уровень штрафа и снизить максимальный срок лишения свободы до уровня, обеспечивающего достижение коэффициентами замещения лишения свободы штрафом значений, сопоставимых с уровнем годовой заработной платы. Дополнительным аргументом является подтвержденная антропологическими исследованиями эффективность денежной формы урегулирования конфликтов [3, с. 63–66].

Список литературы

1. *Мордовец А. С.* Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. Саратов, 1996.
2. *Беккер Г. С.* Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М., 2003.
3. *Гребер Д.* Долг: первые пять тысяч лет истории. М., 2015.

М. П. Белинская

Деятельность полиции в системе казенных подрядов в Российской империи на рубеже XIX–XX века

Договор о подряде для казенных нужд в XIX в. приобретает широкое распространение. В 1835 г. вступает в действие Свод законов Российской империи. Гражданские законы, изложенные в X томе свода, регулировали отношения по заключению подрядов с казной. Здесь впервые законодательно закреплялось определение подряда и поставки, определялся предмет договорных обязательств (постройка, починка, переделка зданий, поставка материалов, припасов и вещей; перевозка людей и тяжестей сухим путем и водой). Участниками договоров по казенным подрядам и поставкам могли выступать частные лица, а также крестьянские, мещанские, дворянские общества.

Масштаб проводимых открытых торгов и подписанных договоров в системе казенных подрядов и поставок, привлеченных людских и финансовых ресурсов, требовал особого внимания со стороны многочисленного аппарата управления. Обеспечение государственного интереса в заключенных сделках возлагалось на всех должностных лиц, участвовавших в конкурсных торгах со стороны государства: губернатора, представителей казенных палат, органов полиции и др. Именно полиции отводилась особая роль в противодействии нарушениям в этой сфере. Активное участие полиция принимала в размещении и доведении до широких масс информации о подрядах, установлении фактов неисполнения условий договора.

Начало XX в. было ознаменовано быстрым ростом противоречий в мире, обострением соперничества ведущих мировых держав за сферы влияния. Началась Первая мировая война. Потребности русской армии в продовольственном и вещевом снабжении возросли. Согласно статистическим данным, к моменту войны царская армия насчитывала 1 423 000 военнослужащих. По данным однодневной переписи, количество состоящих на довольствии от интендантства офицеров, солдат и чиновников на 20 апреля 1917 г. составляло 8 050 955 человек. Предметами вещевого довольствия на фронтах являлись обувь, походные и гимнастические рубахи, валенки, полушубки, портянки суконные и т. п. Обязанность по их сбору возлагалась на полицию.

В Нижегородской губернии в начальный период войны в целях снабжения армии обувью было принято решение о привлечении для изготовления обуви местных сапожников. Каждый был обязан изготовить по две пары сапог в неделю с платой от 7 рублей до 8 рублей 50 коп за пару, в зависимости от качества. Но производимая таким образом закупка вещей не могла удовлетворить имевшийся спрос. На фронтах испытывали острый дефицит обмундирования. В связи с этим Российская империя в военное время обратилась к иной форме обеспечения государственных нужд — реквизиции продукции.

На основании циркуляра Нижегородского губернатора от 3 октября 1914 г. № 24314 предусматривалась реквизиция сукна определенного цвета на нижегородских фабриках и складах. Изъятие продукции возлагалось на уездную полицию с обязательным составлением описи количества и качества изымаемых предметов, а также письменных заявлений владельцев о себестоимости продукции.

За подрыв боеспособности российской армии, непоставку установленного количества обуви виновные лица привлекались к ответствен-

ности. Из материалов дознания, произведенного Семеновским уездным исправником, по обвинению мещанина И. И. Шварева в неисполнении предъявленного к нему чинами полиции требования о поставке не менее двух пар кожаных сапог в неделю в период с 4 сентября 1915 г. по 31 декабря 1916 г. следует, что за это время он не поставил 9 пар сапог. Нижегородский губернатор в январе 1917 г. постановил взыскать с мещанина И. И. Шварева штраф в размере 25 рублей, а в случае неуплаты арестовать на 5 суток.

Таким образом, защита казенного интереса в сфере подрядов и поставок для государственных нужд оставалась одним из ключевых направлений деятельности полиции на рубеже XIX–XX вв.

М. А. Бучакова

Международно-правовое регулирование охраны окружающей среды

В XXI в. проблемы экологии стали одними из ключевых в системе мировых отношений. Потребность охраны окружающей среды предполагает объединение усилий межгосударственного сообщества и сотрудничество международно-правового регулирования.

Специфика данного вида деятельности обусловлена субъектным составом правоотношений: основными субъектами выступают государства и международные организации. Особенности проявляются в характеристике объектов, в состоянии нормативного регулирования и мерах ответственности за причиненный вред. В общей форме вопросы международно-правовой охраны окружающей среды закреплены в Уставе ООН, в перечне принципов которого установлено поддержание международного мира и безопасности, международное сотрудничество государств, уважение прав человека и основных свобод. Общим объектом международно-правовой охраны природы является «...вся природа планеты Земля и околоземного космического пространства в пределах, в которых человек реально воздействует на материальный мир» [1, с. 70]. Этому объекту соответствует глобальный уровень правового регулирования охраны природы и управления ее качеством. Он представляет собой, как отмечает А. И. Казанник, «...нормативно оформленную ступень в системе средств практического воздействия суверенных государств и международного сообщества на отношение человека к природе в целях поддержания глобального экологическо-

го равновесия, предотвращения деградации и разрушения биосферы» [2, с. 24]. Глобальный уровень правового регулирования охраны природы в международных отношениях реализуется в форме координации действий субъектов международного права по поддержанию экологического равновесия в целях удовлетворения своих национальных интересов и интересов всего мирового сообщества. Для координации действий по охране окружающей среды требуются эффективные международно-правовые механизмы регулирования. Важнейшим событием, ознаменовавшим начало качественно нового этапа охраны окружающей среды на международном уровне, стала Конференция ООН по окружающей среде и развитию, состоявшаяся в июне 1992 г. в Рио-де-Жанейро. В рамках конференции была принята Повестка дня на XXI в. — всеобъемлющий свод рекомендаций государствам, правительствам, межправительственным и неправительственным организациям, выполнение которых должно обеспечить защиту окружающей среды. Тенденция к согласованному правовому регулированию охраны природы становится определяющей в формировании экологического национального законодательства [3, с. 70]. Российская Федерация обеспечивает согласование экологической политики и совместные действия в рамках интеграционных объединений, участвует в международных многосторонних договорах и соглашениях, сотрудничает с международными организациями по проблемам защиты окружающей среды.

Список литературы

1. Бучакова М. А. Координация в системе государственного и муниципального управления охраной окружающей среды. Омск, 2010.
2. Казанник А. И. Региональные проблемы правовой охраны природы в России. Омск, 2005.
3. Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М., 1998.

А. Г. Быкова, А. В. Быков

Голосование по отзыву депутата, выборного должностного лица местного самоуправления как форма непосредственного решения вопросов местного значения населением

Институт муниципального права «голосование по отзыву депутата, выборного должностного лица местного самоуправления» является одной из форм непосредственного решения вопросов регионального и местного значения населением. Отзыв может применяться исключительно к лицам, избранным с использованием мажоритарной избирательной системы и на основе специально назначенного голосования.

Согласно правовой позиции, сформулированной Конституционным Судом Российской Федерации, возможность отзыва населением депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления (п. 5 ст. 18) должна рассматриваться как один из способов досрочного прекращения его полномочий (подп. 9 п. 1 ст. 8). Отзыв выборного должностного лица может закрепляться в уставах самих муниципальных образований, которые, исходя из особого статуса таких должностных лиц, связанного с порядком приобретения ими полномочий при различных формах организации местного самоуправления, правомочны в силу ст. 48 определять порядок, условия и формы их ответственности, наступающей в результате утраты доверия населения. Самостоятельность муниципальных образований в правовом регулировании института отзыва предполагает возможность либо установления непосредственно в уставе процедуры отзыва, включая дополнительные гарантии прав его участников, либо отсылки к регулирующему данную процедуру закону субъекта Российской Федерации, подлежащему применению при проведении отзыва в муниципальном образовании.

Правом на инициирование процедуры отзыва депутата, выборного должностного лица обладают граждане Российской Федерации, достигшие возраста 18 лет, место жительства которых расположено в пределах избирательного округа, по которому избран депутат, выборное должностное лицо, в отношении которого решается вопрос об отзыве. Правом на инициирование процедуры отзыва депутата, выборного должностного лица обладает избирательное объединение. В этом случае руководящий орган данного избирательного объединения либо руководящий орган его отделения или иного структурного подразделения (вне

зависимости от его численности) выступает в качестве инициативной группы по проведению отзыва.

Устав муниципального образования и Положение о голосовании по отзыву устанавливают общий перечень оснований для голосования. Отзыв по данному основанию не освобождает депутата представительного органа муниципального образования, главу муниципального образования от ответственности за допущенное нарушение законодательства.

Порядок инициирования и реализации процедуры отзыва включает в себя совокупность последовательных стадий:

- 1) выдвижение инициативы проведения отзыва;
- 2) регистрацию инициативной группы;
- 3) сбор подписей избирателей в поддержку проведения отзыва депутата, члена выборного органа, выборного должностного лица;
- 4) назначение голосования по отзыву;
- 5) проведение голосования и подведение итогов.

Л. Ю. Варенцова

Приказ тайных дел (1654/1655–1676) в дореволюционной российской историографии

В 1654–1655 гг. основан приказ Тайных дел, созданный по инициативе царя Алексея Михайловича (1645–1676 гг.), состоявший в его непосредственном подчинении, обособленный от Боярской думы. Он ведал царскими политическими, экономическими, духовными делами. Спектр его деятельности был чрезвычайно широк. Под началом Тайного приказа дворцовое хозяйство достигло своего максимального расцвета. Владения Тайного приказа находились в 20 уездах государства. После смерти Алексея Михайловича данное учреждение перестало существовать.

Серьезные дискуссии развернулись в дореволюционной исторической науке касательно назначения приказа Тайных дел. Есть две основные позиции:

- 1) Тайный приказ оценивался как начало тайной полиции в России;
- 2) приказ царя Алексея Михайловича — это частная царская канцелярия.

Выразителем первой точки зрения являлся русский и украинский историк, член-корреспондент Петербургской академии наук Н. И. Костомаров. В работе «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших

деятели» он отмечал, что в последующие за мятежами годы появился новый приказ — приказ Тайных дел, начало тайной полиции [1, с. 360]. По всему государству, по мнению Н. И. Костомарова, у царя были шпионы, доносившие правительству о злоумышлениях на местах [1, с. 360–361]. Этому же мнения придерживался И. Я. Гурлянд в монографии «Приказ великого государя Тайных дел». Он писал, что данный приказ был чем-то вроде «испанской инквизиции» [2, с. 3].

Вторую точку зрения представляли корифеи российской исторической мысли — В. О. Ключевский и С. М. Соловьев. В «Курсе русской истории» В. О. Ключевский отметил, что название приказа страшнее его ведомства, это не тайная полиция [3, с. 145], а собственная царская канцелярия [3, с. 146]. С. М. Соловьев в своем фундаментальном труде «История России с древнейших времен» указал, что Тайный приказ в России считали чем-то страшным, напоминавшим «тайную канцелярию» [4, с. 78]. По мнению С.М. Соловьева, главное назначение приказа — это переписка царя Алексея Михайловича, о которой он не хотел, чтобы все знали.

Таким образом, в исторической науке присутствуют разные оценки деятельности приказа Тайных дел. Вопрос о причинах возникновения, компетенции данного приказа вызывал большой спор среди дореволюционных ученых-историков, дискуссии продолжились в исторической науке советского и постсоветского периодов. На наш взгляд, данным приказом контролировалась деятельность всего государственного аппарата, этот контроль имел как явный, так и тайный характер. Спектр функций Тайного приказа был чрезвычайно многообразен и касался всех сфер жизни российского общества второй половины XVII в.

Список литературы

1. *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей : в 4 т. М., 1998. Т. 2.
2. *Гурлянд И. Я.* Приказ великого государя Тайных дел. Ярославль, 1902.
3. *Ключевский В. О.* Сочинения. Курс русской истории : в 9 т. М., 1988. Т. 3.
4. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен : в 15 кн. М., 1961–1962. Кн. 7. Т. 13–14.

П. В. Васильев

О юридических критериях применимости автоматических санкций в сфере публичного управления

Социальное управление по сфере реализации интересов участников общественных отношений можно подразделить на частное и публичное. В публичном управлении можно вычленить внутринациональное (внутригосударственное) и международное.

Публичное управление предполагает объект — общественные отношения в рамках некоторой глобальной социальной целостности (населения страны, народа государства); предмет — интересы участников социальной целостности, самих указанных участников — субъектов принятия управленческих решений (или субъектов), адресатов управленческих решений и тех лиц, на чью жизнь реализация этого решения оказывает свое воздействие (отдельный человек, социальные группы, народ государства, население страны), а также средства управления — различные юридические и неюридические инструменты осуществления управленческих воздействий.

Одним из указанных средств управления являются автоматические санкции — такие правовые санкции, юридическая возможность наступления которых непосредственно обусловлена самим юридическим фактом в виде особого правового поведения ее адресата (правонарушения или заслуги) без изменения его правового статуса с момента совершения деяния до возникновения реального социального результата [1, с. 48–56]. Автоматическое наступление правовых санкций имеет место тогда, когда поэтапного изменения правового статуса адресата не происходит, а юридический результат заранее определен самим фактом правонарушения (для негативных санкций) или заслуги (для позитивных санкций).

Возникает вопрос: каковыми должны быть критерии применимости указанных правовых средств в сфере публичного управления. Практическое значение разрабатываемых критериев видится в возможности наиболее быстрого получения желаемого социального результата, т. е. перевода правового регулирования общественных отношений в корреляционную стадию [2, с. 85], в достижении желаемого социального результата при допустимых издержках, в гармонизации частных и публичных интересов, в обеспечении законности, включая возможность исправления ошибок, допускаемых в правореализационной практике.

К юридическим критериям применимости автоматических санкций в сфере публичного управления мы предлагаем относить:

1) социальную целесообразность — повышение интенсивности реализации поощряемых или охраняемых интересов адресатов управленческих решений, а также тех лиц, на чью жизнь реализация этого решения оказывает свое воздействие;

2) экономическую целесообразность — экономию затрат ресурсов на применение санкции;

3) обратимость юридических последствий — реальную возможность вернуть состояние, имевшееся до реализации автоматической санкции;

4) определенность юридической ситуации — бесспорное установление адресатов публичных управленческих решений при достоверном наступлении юридического факта (правонарушения или заслуги);

5) возможность создания соответствующей нормативной конструкции, которая предполагает отсутствие в обладающих иерархическим приоритетом нормативных правовых актах требований изменения правового статуса адресата на трансформационной стадии правового регулирования и отсутствие иных формально-логических препятствий в виде других нормативных предписаний.

Абсолютное большинство изученных нами автоматических санкций в сфере публичного управления применяются в соответствии с указанными критериями. Однако в публичной управленческой практике имеются случаи применения автоматических санкций с очевидным несоответствием указанным критериям.

Примеры некорректного (с точки зрения указанных критериев) применения автоматических правовых санкций мы находим как в сфере национального российского законодательства (например, ст. 1.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях позволяет автоматически привлекать к ответственности не лицо, действительно совершившее административное правонарушение, а владельца транспортного средства за допущение совершения правонарушения другим лицом), так и международного права — факты применения военной силы в Югославии [3, с. 22] и Ираке [4, с. 104] на рубеже XX и XXI вв., повлекшие подлинные гуманитарные катастрофы. Недавним примером такого применения автоматических санкционных мер является ракетный удар, нанесенный США по авиабазе Эш-Шайрат в Сирии в нарушение норм международного права.

Таким образом, автоматические санкции в сфере публичного (внутригосударственного и международного) управления способны как существенно улучшить условия правовой жизни адресатов публичного управления и тех лиц, на чью жизнь реализация управленческого решения оказывает свое воздействие (отдельных людей, социальных групп, народов государств, населений стран), так и наоборот. Полагаем, в целях гармонизации публичного управления указанные критерии нуждаются в дальнейшем совершенствовании и расширении.

Список литературы

1. *Васильев П. В.* Автоматические санкции в российском праве (теория, практика, техника) : монография / под науч. ред. д-ра юрид. наук, проф. В. А. Толстика. М., 2016.
2. *Радько Т. Н., Толстик В. А.* Функции права. Н. Новгород, 1995.
3. *Кружков В.* Югославский прецедент опасен для мира // *Международная жизнь.* 1999. № 10.
4. *Тарасова Л. Н.* К дискуссии о правомерности гуманитарной интервенции // *Вестн. Волгогр. гос. ун-та.* Сер. 5. 2011. № 1(14).

К. В. Вишневецкий

Происхождение и доктрина виктимологии

Когда зародилась виктимологическая мысль? Одновременно с криминологической? Напрашивается простой ответ «да», если речь идет о преступлении (и криминальной виктимологии). Ведь мы знаем, что совершение преступления невозможно без жертвы. Однако смеем предположить, что в Древнем мире на преступность смотрели иначе, далеко не всегда существование преступности или совершение преступления связывали с жертвой или пытались найти причины преступности в личности и поведении жертвы. Современной науке известны и такие примеры.

Истоки криминологического интереса к проблеме жертвы преступления относятся к периоду перехода от классических и позитивистских теорий преступности, рассматривавших преступников и их жертвы в статике, к динамическим концепциям XX в. Отдельные, разрозненные идеи виктимологического характера рождались в умах великих философов и ученых задолго до опубликования Гансом фон Гентигом его работы «Замечания по интеракции между преступником и жертвой» в 1941 г.

Эпоха Древнего мира характерна тем, что основные знания, мировоззренческие позиции и научные гипотезы зарождались в то время в умах философов. История философии права, характеризуя юридическую теорию древности, обращается к философским концепциям Сократа, Платона, Аристотеля и ряда других не менее известных мыслителей [1, с. 399–438].

Ученые древности, рассматривая негативные социальные явления, в том числе и преступность, концентрировали свое внимание на их негативных, т. е. специфичных, особенных чертах. Говоря о преступлении, они высказывали суждения о преступнике как об источнике зла.

Жертва в религиозном контексте — элемент мировоззрения каждого в эпоху Древнего мира и Средних веков (теологические концепции преступности). В известном библейском мифе о двух братьях, Авеле и Каине, смоделирована специфичная виктимогенная ситуация, в которой более успешный Авель, сам не желая того, вызывает зависть у менее удачливого брата, чем провоцирует преступление. Не проявляя должной осторожности и осмотрительности, Авель, хотя и чувствует опасность со стороны своего брата, игнорирует ее и становится жертвой первого в христианской истории человечества преступления. Трактую этот миф, современная психология называет подобное виктимное поведение синдромом Авеля.

Древнекитайская философия не так сильно повлияла на возникновение виктимологических учений, однако мысли подобного содержания рождались и в этой стране. Так, древнекитайский философ Сюнь-Цзы (313–235 до н. э.) посвятил свои работы изучению гармонии и Дао. Он считал, например, что люди иногда сами своими словами накликают на себя беду. В лице Сюнь-Цзы философия даосизма признавала зависимость совершения преступления от предшествовавшего виктимного поведения жертвы, а основным способом предупреждения преступлений считала соблюдение «естественного Дао» потенциальными жертвами.

Возникновение мировых религий на рубеже тысячелетий привело к существенным изменениям в мировоззрении людей и философских концепциях. Христианская религия, на многие столетия определившая характер развития общественного сознания в Европе, ввела в оборот определение жертвы как благого поступка Христа во спасение человечества (жертва-поступок), что отвлекло общественное сознание от понимания жертвы в аспекте потерпевшего от преступления (жертва-человек).

Еще одна новелла христианства — заповедь Христа: ударят по левой щеке, подставь правую. При буквальном толковании этой заповеди благочестивые христиане не должны пытаться избежать виктимизации. Проповеди того времени, основанные на этом постулате, в полной мере можно рассматривать как провокацию виктимологического рецидива.

Рационально-гуманистическая концепция общества эпохи Ренессанса, пришедшая на смену теократии средних веков, объясняла преступное поведение исключительно злой волей индивида, его пороками, и также исключала возможность влияния жертвы на волю индивида в выборе им преступной формы поведения. Развитие свободомыслия в Европе натолкнула многих философов на идеи, имеющие непосредственное отношение к проблемам современной виктимологии.

Изучение прав жертв преступлений в уголовно-правовой науке началось благодаря немецкой философии права только в XIX в. Так, классик права Иеремия Бентам (1748–1832 гг.) в качестве одного из направлений ужесточения уголовного наказания и устрашения преступника предлагал ввести обязательную компенсацию для жертвы.

Крупный немецкий юрист XIX в. А. Фейербах в своей книге «Документальное изложение наиболее знаменитых преступлений» высказывался в пользу того, что поведение жертвы может выступать в качестве первопричины некоторых преступных деяний. Характеризуя жертву отцеубийства, он пишет: «Он сам был причиной всего, что с ним произошло, и ему принадлежит большая часть тяжелой моральной ответственности за собственное убийство» [2, с. 20].

Представитель позитивистской школы права Раффаэль Гарофало (1852–1934 гг.) рассматривал компенсацию жертвам преступлений как способ их социальной защиты от криминальных угроз, а также как средство их ресоциализации.

Подводя итоги краткого обзора истории зарождения виктимологической мысли, заострим внимание на следующих выводах:

— виктимологическая мысль тесно связана и переплетается с воззрениями философов и мудрецов на феномен преступности, поэтому ее зарождение можно отнести к тому историческому периоду, в котором начала формироваться и криминологическая мысль вообще;

— исторический метод исследования позволяет выделить три этапа развития виктимологической мысли: древний (приблизительно X в. до н. э. — V век н. э.), теологический (VI–XV вв.), постдогматический

(XVI–XIX вв.), каждый из которых характеризуется разными точками зрения на феномен виктимности и виктимологического предупреждения преступности;

— основой возникновения виктимологической теории в криминологии послужили философские учения и концепции классиков философии права нового времени, а также работы специалистов позитивистской школы уголовного права;

— при скупости виктимологических высказываний философов и правоведов прошлого, но благодаря распространению христианского учения (наряду с другими мировыми религиями) современный россиянин с позиции здравого смысла тесно увязывает между собой и противопоставляет друг другу преступника и его жертву в дихотомии, аналогичной известным парам: «свет и тьма», «ягненок и волк»;

— научный потенциал рассмотренных этапов зарождения виктимологической мысли в современной криминологии недооценивается, кроме того, перспективное развитие криминологической теории требует философского переосмысления многих научных проблем, среди которых интеракция преступника и жертвы — одно из центральных и во многом парадоксальных явлений.

Список литературы

1. *Нерсесянц В. С.* Философия права : учебник для вузов. М., 1998.
2. *Полубинский В. И., Ситковский А. Л.* Теоретические и практические основы криминальной виктимологии : монография. М., 2006.

В. А. Воропанов

Подбор и расстановка судебных кадров в Тобольской и Томской губерниях в первой четверти XIX века

Региональный аспект проблемы возникновения, становления и развития имперской российской бюрократии превратился в самостоятельное направление историко-социологических исследований [1; 2; 3]. Объективная оценка принципов и результатов реализации государственной кадровой политики требует постоянного расширения круга источников. Неотъемлемой частью государственного аппарата Российской империи являлись должностные лица, занятые осуществлением правосудия. Обращение автора к анализу документов учета кадров (формулярные списки, судебская группа чиновников) составляет

новизну данного исследования. Отметим, что управление кадрами государственной гражданской службы в областях Сибири являлось особым направлением деятельности царского правительства [4, с. 42–47; 5, с. 84–90]. Для исследования были привлечены комплексы документов 1814 и 1825 гг., позволяющие дополнительно оценить последствия административной реформы, осуществленной на территории азиатской части России в 1822 г.

Анализ источников показал, что органам, отвечавшим за управление кадрами государственной гражданской службы на территории Западной Сибири, удавалось поддерживать квалифицированный состав лиц, занятых осуществлением правосудия. Опыт предварительной службы чиновников оставался объективно разнопрофильным, однако назначения на должности получали, как правило, обладатели положительных характеристик от начальства.

Удельный вес отставных офицеров неуклонно сокращался (16 заседателей из 31 в 1814 г. и 7 заседателей из 31 в 1825 г., 11 судей из 15 в 1814 г. и 8 судей из 15 в 1825 г.), до получения назначений на должности в суды бывшие военнослужащие приобретали основательные навыки работы на иных должностях государственной гражданской службы. Среди чиновников, изначально совершавших статскую карьеру, стабильно присутствовали лица с опытом судебно-канцелярской деятельности: 10 из 15 заседателей (66,6%) и 2 из 4 судей в 1814 г. и 9 из 25 заседателей (36%) и 5 из 7 судей (71,4%) в 1825 г. Выглядит закономерным тот факт, что 84% членов коллегий и 85,7% председателей окружных судов в Тобольской и Томской губерниях 1825 г. (из числа изначально государственных гражданских служащих) в разное время находились в штатах органов губернского или центрального управления. После обновления состава чиновников в ходе судебно-административной реформы их средний стаж деятельности в сфере осуществления правосудия снизился относительно 1814 г. среди заседателей с 7 до 5 и 3 лет, среди судей — с 10 до 7 и 6 лет.

В соответствии с действовавшим законодательством лица, служившие на территории Сибири, пользовались льготами при производстве в очередной чин. В 1814 и 1825 гг. чины только 5 и 6 заседателей строго не соответствовали классу занимаемых должностей (были ниже X). Среди судей в 1825 г. оказались 3 губернских секретаря, в то же время 4 из них носили чины, превосходившие классом их должность. Средний возраст как заседателей, так и окружных судей после проведения реформы тоже понизился: в 1825 г. среди первых в Тобольской губернии он составил

45 лет (моложе 40 лет были 9 лиц из 18), в Томской губернии — 39 (моложе 40 лет были 9 лиц из 13), среди судей — 46 лет. Происхождение западносибирских чиновников оставалось разнородным. В 1810–1820-х гг. из составов коллегий судов первого звена Тобольской и Томской губерний представителей потомственных дворян, включая специфичную группу местных дворян, а также сыновей нижних воинских чинов, вытесняли выходцы из семей иных категорий населения: личных дворян и наследственных гражданских служащих, духовных лиц. В 1825 г. среди заседателей числились 11 наследственных гражданских служащих, 5 потомственных дворян, 5 обер-офицерских детей, 3 выходца из духовного сословия и 3 сына нижних воинских чинов, 2 мещанина и 2 разночинца, среди судей — 6 обер-офицерских детей, 3 потомственных дворянина, включая князя, штаб-офицерского сына и «военного дворянина», 3 наследственных гражданских служащих, 2 сына нижних воинских чинов и 1 разночинец.

Список литературы

1. *Зубов В. Е.* Основные направления кадровой политики в системе государственного управления Российской империи конца XVIII — первой половины XIX вв. // Научные записки Сиб. акад. гос. службы. Новосибирск, 2000. Т. II. 240 с.
2. *Морякова О. В.* Провинциальное чиновничество в России второй четверти XIX века: социальный портрет, быт и нравы // Вестник Моск. ун-та. Сер. История. 1993. № 6. С. 28–38.
3. *Туманик Е. Н.* Кадровый состав Томского губернского суда в середине 1830-х гг. // От Средневековья к Новому времени: этносоциальные процессы в Сибири XVII — начала XX вв. Новосибирск, 2005. С. 272–273.
4. *Воропанов В. А.* Проблемы кадровой политики в системе провинциальной государственной службы Российской империи: формирование канцелярского аппарата в Западной Сибири в конце XVIII — первой половине XIX вв. // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Российской государственности 1150 лет: исторический опыт и вызовы современности». Челябинск, 2012.
5. *Воропанов В. А.* Развитие системы отбора и подготовки кадров государственной гражданской службы в Российской империи в первой половине XIX в. // Социум и власть. 2013. № 6.

Т. Е. Грязнова, М. А. Бучакова

Принцип разделения властей в творчестве Б. Н. Чичерина: история и современность

Разделение властей представляет собой одну из базовых характеристик демократического государства, при которой каждая ветвь обладает собственными полномочиями, включающими взаимный контроль в целях выполнения обязанностей по соблюдению конституции и других нормативных правовых актов.

Идея разграничения властей, как основа справедливого управления и гарантии прав и свобод граждан, имеет более чем двухтысячелетнюю историю. Она становится одним из главных принципов построения стабильных государственных форм еще с античных времен. Занимая прочное место в воззрениях крупнейших представителей европейской политико-правовой мысли, принцип разделения властей обретает классическое выражение в теории Ш. Л. Монтескье и становится одним из важнейших постулатов конституционализма.

В России идея разделения властей стала особенно активно разрабатываться в связи с проблемами, выявленными судебной реформой 1864 г. Наиболее развернутое обоснование она получила в трудах Б. Н. Чичерина, убежденного в том, что оптимальной формой государства для России, как, впрочем, и для большинства европейских стран, является основанная на принципах свободы и законности конституционная монархия.

Законодательная власть должна, по Б. Н. Чичерину, принадлежать двухпалатному парламенту. В условиях процессов демократизации Нового времени наиболее оптимальным вариантом автор считал формирование верхней палаты из представителей «умственной аристократии», нижней — из народных представителей. Основанием политического права народных представителей должна служить свобода, ограниченная способностью, к главным признакам которой автор относит цензы имущества, образования и оседлости. Таким образом, народные массы должны быть представлены в нижней палате средними слоями. Правительственная власть, по Б. Н. Чичерину, требует личного усмотрения, энергии и ответственности, поэтому она должна быть вверена одному лицу — монарху. Исключительное значение принадлежит, по мнению российского мыслителя, судебной власти. «Охраняя права граждан, она тем самым ограждает их от произвола и притеснений, следовательно... дает в области приложения законов те же гарантии, какие законодательное собрание дает в установлении законов» [1, с. 173].

Венцом политической жизни свободного и просвещенного народа является, по Б. Н. Чичерину, монархия парламентарная. Основанная на прочной двухпартийной системе и опирающаяся на стабильное правительство, формируемое из партийного большинства палаты представителей, парламентарная монархия свидетельствует о политической зрелости общества. Власть монарха в этом случае приобретает особенный характер, трансформируясь в четвертую власть — власть умиряющую, которая «представляет государственное единство... успокаивает страсти, охраняет права и интересы меньшинства, имея всегда в виду высшее благо целого, а не какой-либо части» [1, с. 182]. Высокий уровень политической и правовой культуры народа избавляет от необходимости юридического закрепления нового статуса главы государства, осуществляющего свои полномочия на основе обычая. Высокая степень мобильности, способность быстро реагировать на изменяющиеся потребности жизни позволяют считать предлагаемую модель в полной мере отвечающей высшей цели государства — гармонии власти, закона и свободы.

Рассуждения ученого о власти, о главе государства, призванного объединить власть, о двухпалатном парламенте актуальны и в настоящее время. Более того, основные идеи Б. Н. Чичерина в трансформированном виде нашли отражение и в действующей Конституции Российской Федерации. Принцип разделения властей осуществляется в Российской Федерации в соответствии с конституционным положением о разграничении государственной власти на три самостоятельные ветви: законодательную, исполнительную и судебную (ст. 10). При этом законодательная власть — Федеральное Собрание — принимает законы, определяет нормативную базу деятельности всех органов и влияет парламентскими способами на деятельность исполнительной власти. Президент Российской Федерации, являясь главой государства, занимает в системе федеральных государственных органов особое место. Это положение обусловлено тем, что он не входит непосредственно ни в одну из ветвей власти, но обеспечивает необходимое согласование их деятельности, позволяющее бесперебойно действовать всему государственному механизму (ст. 80 Конституции Российской Федерации). Президент обладает рядом полномочий, реализация которых предопределяет положение главы государства над системой разделения властей и концентрирует в его руках почти весь комплекс сдержек и противовесов. Обеспечивая и направляя деятельность всех государственных органов, глава страны действует только в пределах, установленных Конституцией Российской Федерации, точно так, как и все остальные федеральные органы

государственной власти: Федеральное Собрание, Правительство, суды. По совокупности и значимости функций и полномочий, закрепленных Конституцией Российской Федерации за Президентом Российской Федерации, он, бесспорно, занимает ведущее место в системе органов власти страны. Важное значение в осуществлении государственной политики имеет согласованность действий Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации: полномочия последнего определяются из законодательных положений о том, что оно является высшим органом исполнительной власти общей компетенции.

Судебная власть в современной России, согласно ст. 10 Конституции Российской Федерации, выступает неотъемлемым элементом власти государства: данная норма взаимосвязана с ч. 1 ст. 118, провозгласившей осуществление правосудия в Российской Федерации только судом. Очевидно, чтобы эффективно защищать права человека и оберегать общество от социальных конфликтов, суд должен оказывать сдерживающее и уравнивающее влияние на законодательную и исполнительную власть.

Таким образом, концептуальные идеи Б. Н. Чичерина о разделении властей являются значимыми для современной российской государственности. Трансформируясь в современных условиях, они закрепляются в ведущих нормативных актах и претворяются в жизнь.

Список литературы

1. *Чичерин Б. Н.* Курс государственной науки : в 3 ч. М., 1894. Ч. I: Общее государственное право. 492 с.

О. А. Дизер

О совершенствовании деятельности органов публичной власти в области противодействия бродяжничеству и попрошайничеству

По различным оценкам, общая численность лиц, не имеющих определенного места жительства, составляет около 4,5 млн человек, т. е. 2,8% населения России [1, с. 9].

Для эффективного противодействия таким антисоциальным явлениям, как бродяжничество и попрошайничество, следует говорить об активной многоплановой работе органов исполнительной власти, иных государственных структур.

Эффективность мероприятий по защите общественной нравственности от угроз, связанных с бродяжничеством и попрошайничеством, напрямую зависит от создания государственной системы профилактики и предупреждения бродяжничества и попрошайничества, поскольку решение представленных задач возможно системой органов исполнительной власти: Минтрудом России, Рострудом России, Минздравом России, Роспотребнадзором России, МВД России, ФСИН России, Минобороны России, Государственной службой занятости населения Российской Федерации, Пенсионным фондом Российской Федерации, Фондом социального страхования Российской Федерации, Федеральным фондом обязательного медицинского страхования, органами местного самоуправления.

При этом ядром данной системы, выполняющим функции координации и контроля за соблюдением законодательства в рассматриваемой сфере, должны стать специально образованные постоянно действующие координационные органы для обеспечения согласованных действий органов исполнительной власти, территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления в области защиты общественной нравственности от угроз, связанных с бродяжничеством и попрошайничеством.

Во многих государствах координационную работу аппарата государственного управления выполняют различные межминистерские органы (межминистерские советы и комиссии, правительственные комитеты и др.) [2, с. 45].

Опыт создания подобных координационных органов есть. В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 1996 г. № 455 «О Межведомственной комиссии по проблемам профилактики бродяжничества»¹ была создана Межведомственная комиссия по проблемам профилактики бродяжничества для координации деятельности федеральных органов исполнительной власти по профилактике бродяжничества лиц, оказавшихся в экстремальных условиях без определенного места жительства и занятий. Однако вскоре она была упразднена².

¹ *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1996. № 17, ст. 1992.

² *О признании утратившими силу решений Правительства Российской Федерации по вопросам создания и деятельности координационных и совещательных органов, образованных Правительством Российской Федерации* : постановление Правительства Российской Федерации от 26 июля 2004 г. № 380 // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2004. № 31, ст. 3268.

Учитывая необходимость создания координирующего органа для интересов защиты общественной нравственности от угроз, связанных с бродяжничеством и попрошайничеством, на уровне субъектов Российской Федерации предпринимаются попытки организовать структуры, выполняющие функции в рассматриваемой сфере.

По нашему мнению, необходимо создание на основании специального федерального закона государственной системы профилактики и предупреждения бродяжничества и попрошайничества. Помимо этого, в данном нормативном правовом акте необходимо отразить их функции в рассматриваемой сфере, порядок осуществления контроля за их реализацией, а также статус специализированных учреждений для лиц, ведущих подобный образ жизни.

Список литературы

1. *Андреева С. Ю.* Предупреждение преступлений, совершаемых лицами без определенного места жительства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
2. *Бучакова М. А.* Координация в системе государственного и муниципального управления охраной окружающей среды Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011.

А. В. Дорофеев

Многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг: особенности статуса

Впервые в российской практике институт предоставления государственных и муниципальных услуг посредством многофункциональных центров был упомянут в рамках распоряжения Правительства Российской Федерации от 25 октября 2005 г. № 1789-р «О Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 годах», в рамках которого данный институт лишь упоминался.

В настоящее время легальное понятие многофункционального центра предоставления государственных и муниципальных услуг закреплено в Федеральном законе от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг».

Основопологающим принципом организации предоставления государственных и муниципальных услуг является принцип «одного

окна». Суть данного подхода проявляется в наличии следующих элементов:

а) предоставление государственной или муниципальной услуги осуществляется после однократного обращения заявителя с соответствующим запросом;

б) взаимодействие с органами, предоставляющими государственные услуги, или органами, предоставляющими муниципальные услуги, осуществляется многофункциональным центром без участия заявителя. Обязательным элементом предоставления государственных и муниципальных услуг посредством многофункциональных центров в режиме «одного окна» является заключение соглашения о взаимодействии между многофункциональным центром и органами, предоставляющими государственные и муниципальные услуги [1].

Исследователи отмечают, что более детальное рассмотрение функций и полномочий многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг позволяет разделить их на две основные группы по характеру отношений в рамках осуществления административных процедур [2]:

1) представительство интересов органов, оказывающих государственные и муниципальные услуги, во взаимоотношениях с физическими и юридическими лицами: административно-процедурные функции по взаимодействию с заявителями;

2) представительство интересов заявителей в органах и организациях, предоставляющих государственные и муниципальные услуги: административно-процедурные функции по взаимодействию с названными органами и организациями.

Что касается сущности многофункционального центра предоставления государственных и муниципальных услуг, то по своей юридической природе — это посредник между государственными, муниципальными органами и гражданами, цель функционирования которого выражается в оптимизации процессов и процедур в управленческой сфере. Если это будет нормативно предусмотрено, то допускается передача и иных полномочий, перечень которых оставлен открытым.

Присутствие возможности передачи многофункциональным центрам предоставления государственных и муниципальных услуг и иных полномочий, если это будет предусмотрено нормативными актами или соглашением о взаимодействии с органами исполнительной власти, может иметь негативные последствия для правоприменительной практики, поскольку законодатель не определяет жестких рамок для дальней-

шей передачи полномочий по организации предоставления публичных услуг. Такое положение создает угрозу нарушения принципа достаточной законодательной основы для передачи полномочий частным субъектам.

Институт предоставления государственных и муниципальных услуг посредством многофункциональных центров можно рассматривать как форму передачи полномочий с федерального уровня на уровень субъекта Российской Федерации.

Список литературы

1. *Комментарий* к Федеральному закону от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (постатейный) / под ред. С. Ю. Наумова. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *Гриценко Е. В., Бабелюк Е. Г.* Правовой статус многофункционального центра предоставления государственных и муниципальных услуг в России и европейский опыт организации «службы единого окна» // *Законод.* 2012. № 7. С. 139–155.

Т. П. Евсеенко

Испанская «держава» Квинта Сертория как разновидность античного сложного государства

Более трехсот лет в государствоведении используется термин «сложное государство» [1, с. 79–80]. Применяемый учеными, которые нередко придерживаются противоположных взглядов, он трактуется одинаково [2, с. 1–18; 3, с. 162], являясь обобщением типологически различных форм государственного устройства. К таковым относят федерации, унитарные государства с автономиями и всевозможные разновидности конфедеративных объединений. В рамках этой проблемы обратимся к так называемой державе римского политика и полководца Квинта Сертория, созданной на Иберийском полуострове в 80–70-х гг. I в. до н. э.

Серторий, после окончания исполнения в Риме обязанностей претора, прибыл в 82 г. до н. э. в провинцию Ближняя Испания в ранге проконсула. Первоначально от предшественников он отличался разве что малочисленностью выделенных ему войск. Это доказывается тем, что при переходе через Пиренеи ему пришлось платить за проход местным жителям [3; 4], а также легкостью, с которой присланный сулланским

правительством Рима Анний Луск с двумя легионами разбил его войско [5, р. 470–471]. Позднее, отбив у врагов часть территории римских провинций, Серторий сохранял там систему обычного провинциального управления.

В то время, согласно традиции, в провинцию направлялся из Рима уполномоченный из числа высших магистратов. Консулам и преторам, по истечении срока магистратуры, комиции как бы продлевали полномочия, но уже на территории провинции и чаще всего на год. Содержание проконсула и его аппарата ложилось на провинциальное население. Оно обязывалось выполнять натуральные поставки и повинности или, по желанию наместника, выплачивать эквивалент стоимости всего положенного деньгами.

Совещательным органом при проконсуле был совет, занимавшийся военными и гражданскими делами. Первоначально состоявший исключительно из офицеров сенаторского ранга, оказавшихся в провинции, в описываемую эпоху он включал и римских граждан, обладавших всадническим цензом и постоянно живущих в провинции, а также представителей общин «союзников». Совет выполнял и функции суда [6, р. 140–141].

Аппарат (свита) проконсула [7, с. 75] включал квестора, избранного комициями в Риме (он являлся заместителем наместника). Проконсульские легаты, в отличие от квестора, подбирались в Риме им самим из числа сенаторов. Они образовывали ядро совета [8, с. 21–22]. Кроме легатов, имелись военные трибуны, префекты конницы и другие командиры расквартированных в провинции римских войск. Особняком стояли личные служащие проконсула — *accensi* (акцензы), среди которых наиболее известны *scribae*, *lictors* и др. Их набирали как из свободных людей, так и из рабов, подбирали их сам проконсул [9, р. 49–53].

Прибыв в Испанию в качестве наместника, Серторий формально оставался им до своей гибели, поскольку проконсулы сохраняли полномочия вплоть до возвращения в Рим [10, с. 80]. Согласно закону, полномочия магистрата, ведущего войну, автоматически пролонгировались, пока к войску не прибудет его преемник [6, р. 15]. Но при отсутствии в Риме законной (как считали серторианцы) власти, преемник на смену ему прибыть не мог. Поэтому и назначение должностных лиц в провинции являлось законным правом Сертория (как уполномоченного римского народа).

Иное положение занимал Серторий в части Испании, не входившей в состав провинций. Здесь его власть основывалась на статусе верхов-

ного военного вождя, приглашенного иберийской племенной знатью. Можно предположить заключение союзов лично Серторием со знатью отдельных племен. Эта часть «державы» являлась союзом племен во главе с верховным вождем. Вождь формировал свою дружину из людей, лично связанных с ним, призывал на службу ополчения племен, когда в них возникала надобность. Решение вопросов, затрагивающих интересы большинства членов союза, требовало согласия их вождей. Поэтому в этой части страны Серторий впервые в истории Рима созывает «провинциальные собрания».

Такое их название условно, поскольку ставить знак равенства между ними и конвентами эпохи империи нельзя. В собраниях Сертория представлены были исключительно испанские аборигены, но не местные римляне и италики. Это были органы координации усилий испанских племен, не имевших отношения к римской провинциальной администрации. Лишь с их помощью Серторий мог проводить массовые наборы испанцев в свою армию. Согласие собрания требовалось и для организации так называемых общественных мастерских по изготовлению оружия. В собрании Серторий объяснял испанской знати свои действия. Здесь он отчитывался в выполнении своих обязательств перед призвавшими его племенами. Эти собрания медленно, но верно превращали слабо связанную между собой конфедерацию племен в единый союз, члены которого постепенно приучались к пониманию общности своих интересов.

Таким образом, изначально существовало два различных политических организма (римская провинция и союз испанских племен), которые возглавил один человек. Подобным путем ранее сложилось Боспорское царство эпохи первых Спартокидов, провозглашенных одновременно архонтами Боспора и Феодосии и царями племен синдов, меотов и др.

В Испании, как и в Боспорском царстве, со временем из этих разнородных политических организмов могла сложиться единая государственность. Но преждевременная гибель Квинта Сертория от рук заговорщиков помешала такому развитию событий.

Полагаем, подобные государственные образования следует выделять в особую группу переходных сложных государственных образований, существовавших в античную эпоху, отличая их как от обычных полисных союзов, так и от эллинистических монархий того времени.

Список литературы

1. Козлова Н. Ю. Буржуазные учения о федерализме XVIII–XIX вв. М., 1988.
2. Горенберг М. Теория союзного государства в трудах современных публицистов Германии. СПб., 1891.
3. Жилин А. А. Теория союзного государства. Киев, 1912.
4. Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах. Т. II. М., 1994. 674 с.
5. Brunt P. A. Italian Manpower. 225 B. C. A. D. 14. Oxford, 1971.
6. Kunkel W. Staatsordnung und Staatspraxis der Römischen Republik. Munchen, 1995. Т. 3. В. 2. Abt. 2.
7. Браунд Д. Свита (cohors) наместника и идеология римского империализма // Вестник древней истории. 1999. № 1.
8. Евсеенко Т. П. Военный фактор в государственном строительстве Римской империи эпохи раннего принципата. Ижевск, 2001.
9. Lintott A. Imperium Romanum. Politics and Administration. London — New-York, 1993.
10. Аппиан Александрийский. Римская история / пер. с греч. М., 2002.

Е. В. Евсикова

Проблемы развития правовой системы Российской Федерации в условиях «постинформационного общества»

В эпоху «постинформационного общества» правовая система Российской Федерации представляет собой сложный многоэлементный и многомерный феномен, отражающий комплекс правовых явлений, происходящих на всей территории Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (далее — субъектов РФ).

Актуальным остается вопрос формирования и интеграции правовых систем новых субъектов Российской Федерации: Республики Крым и города федерального значения Севастополя в правовую систему Российской Федерации, поскольку правовые системы новых субъектов только переживают процесс своего становления и развития [1, с. 47–53].

Анализ законотворческой деятельности новых субъектов Российской Федерации показывает, что на начальном этапе формирования регионального законодательства остро стоят проблемы:

- слабой согласованности с федеральным законодательством;

— неоправданного и ошибочного дублирования отдельных положений федерального законодательства, что ведет к неоднозначному толкованию и применению ряда норм регионального законодательства на практике;

— отсутствия опыта законотворческой деятельности и отлаженного, проработанного механизма законотворческой деятельности на практике;

— низкого уровня законодательной техники отдельных законов новых субъектов Российской Федерации.

Это обосновано отсутствием опыта у регионального законодателя, который старается максимально восполнить все пробелы в законодательстве соответствующих субъектов Российской Федерации с учетом правовых позиций и опыта Российской Федерации и ее субъектов. Законодатели Республики Крым и города Севастополя принимали нужные и первоочередные законы во всех важнейших сферах жизни общества, в том числе и в порядке опережающего правового регулирования. Кроме того, представительные органы новых субъектов РФ неоднократно и обоснованно вносили предложения по усовершенствованию федерального законодательства с учетом региональных потребностей и особенностей данных субъектов Российской Федерации, что, несомненно, положительно влияет на развитие правовой системы Российской Федерации в целом (например, введение туристического налога / сбора в Республике Крым в качестве «пилотного» региона) [2, с. 172–176].

Список литературы

1. *Евсикова Е. В.* Становление и развитие административно-деликтного законодательства Республики Крым // Развитие государственности и права в Республике Крым: реалии и перспективы : мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. 5 февраля 2016 г. / под общ. ред. С. А. Буткевича. Краснодар, 2016.

2. *Евсикова Е. В., Жигулина В. В.* Проблемы установления и взимания туристического налога в Российской Федерации и Республике Крым // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 2(32).

В. И. Ерыгина

Идеи А. И. Кошелева о народном представительстве

Многие либеральные мыслители России считали земские учреждения второй половины XIX в. необходимым и твердым основанием для создания общегосударственного представительного органа. К их числу относится и Александр Иванович Кошелев (1806–1883 гг.), русский публицист и общественный деятель славянофильского направления.

А. И. Кошелев, отстаивая идею народного представительства, был уверен в том, что «здание» земских учреждений должно быть увенчано Земской думой. После восшествия на престол императора Александра II в 1855 г. А. И. Кошелев подает ему записку «О денежных средствах России в настоящих обстоятельствах». В ней он предлагает для оздоровления финансовой системы создать выборных представителей от всей земли русской. Так, впервые научно обосновывалась необходимость созыва Земской думы в России [1, с. 19], которая была важна для выхода страны из критического положения. А. И. Кошелев предлагал создать «Общую земскую думу», представляющую общественное мнение страны, объясняющую самодержцу настоящее положение дел и вещей, подающую ему советы и помогающую в исполнении лежащих на нем обязанностей [1, с. 71]. Общая Земская дума должна предварительно рассматривать законопроекты, обсуждать их и подавать на утверждение императору, причем решения Земской думы должны получать силу только после высочайшего утверждения императора [1, с. 72]. Таким образом, в условиях самодержавной России после введения земств вполне последовательными выглядели предложения о дальнейшем развитии народного представительства в виде совещательного общегосударственного органа парламентского типа.

Развивая учение славянофилов, А. И. Кошелев признает сосуществование самодержавия с народным представительством, поскольку он считал, что понять и объяснить особенности политико-правового устройства России нельзя без знания народного быта, который и определяет содержание истинного законодательства. А. И. Кошелева и славянофилов в целом можно считать основоположниками социокультурного метода исследования представительной сущности государства, поскольку большое внимание они уделяли уникальному опыту национальной культуры, верили в творческие способности русского народа и отрицали слепое копирование готового опыта зарубежных стран. А. И. Кошелев писал: «Я крепко стою за русское, ибо убежден, что толь-

ко на своей почве можно сделать что-нибудь дельное, и не против иностранного, но восхищаться им и принимать чужие мнения и чужие воззрения считаю холопством и глупостью» [1, с. 25–26]. В целом идеи А. И. Кошелева о народном представительстве сыграли прогрессивную роль и подготовили почву для создания в России конституционной монархии парламентского типа.

Список литературы

1. Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума / отв. ред. О. А. Платонов. М., 2011.

Т. А. Желдыбина

О категориях «метод» и «подход» в научных юридических исследованиях

В настоящее время методология правопознания остается важной темой для изучения, а потому в среде ученых возникают различные, иногда полярные точки зрения. Именно поиск новизны научного исследования объясняет использование определенного методологического арсенала. Методология юридического исследования всегда связана с его тематикой и должна отвечать предмету, объекту и целям такого исследования.

Остановимся на различии категорий «метод» и «подход».

В научной литературе часто синонимизируются понятия «метод» и «подход». Д. А. Керимов справедливо отмечал, что «научные методы есть не что иное, как теоретическое обобщение практических методов, а последние суть продолжение, развертывание, конкретизация первых в практической деятельности людей» [1, с. 4].

О различии категорий «метод» и «подход» писал советский правовед В. А. Козлов, рассматривая проблемы предмета и методологии общей теории права. По его мнению, подходы нередко отождествляются с методами, при определении метода чаще всего указывают на такие характеристики, как последовательность и целесообразность применяемых действий, приемов, операций, системность и нормативный характер используемых процедур. Подход определяет основной путь, стратегию решения поставленной задачи. Подход, намечая основной ракурс исследования объекта, определяет только общую особенность того или иного метода и конкретизируется в принципах, присущих соответству-

ющему методу. Принцип же в этом плане выступает как идея решения той или иной научной проблемы в рамках данного подхода [2, с. 88].

«Методологический подход можно определить как принципиальную методологическую ориентацию исследования, как точку зрения, с которой рассматривается объект изучения (способ определения объекта), как понятие или принцип, руководящий общей стратегией исследования», — делают вывод И. В. Блауберг и Э. Г. Юдин [3, с. 74].

Н. Н. Тарасов, поставив в центр своего исследования методологию права, говорит о том, что относительно метода конкретного исследования методологический подход выступает как его конструктивный элемент, поскольку в исследовании (в зависимости от целей и задач) могут использоваться одновременно различные подходы [4, с. 232].

Уяснение сущности таких правовых категорий, как «метод» и «подход» важно для исследователя, поскольку понимание сущности метода исследования — это понимание инструментария, т. е. средств, правил, с помощью которых возможно всестороннее изучение заявленной автором проблемы.

Список литературы

1. Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2001.
2. Козлов В. А. Проблемы предмета и методологии общей теории права. Л., 1989.
3. Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973.
4. Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001.

Е. С. Зайцева

К вопросу о соотношении понятий «сфера правового регулирования» и «предмет правового регулирования»

В научной и учебной литературе не сложилось однозначного подхода к соотношению понятий «предмет правового регулирования» и «сфера правового регулирования». Некоторые авторы используют эти понятия в качестве синонимов [1, с. 51–52], но существует и иная точка зрения, в соответствии с которой при близости и взаимосвязи каждое из указанных понятий имеет свою специфику [2, с. 67]. Полагаем,

что потребность в разведении указанных категорий существует и обусловливается несовпадением общественных отношений, нуждающихся в правовом регулировании, и общественных отношений, уже подвергнутых правовой регламентации.

Для характеристики отношений, нуждающихся в правовом регулировании, следует использовать понятие «сфера правового регулирования» — как совокупность отношений, складывающихся между людьми, которые объективно должны быть подвергнуты правовой регламентации. Это отражает «должное». Сфера правового регулирования зависит от свойств общественных отношений, имеющих правовую природу. Что касается самих свойств, то (при наличии определенной общности в их определении) мнения ученых по этому вопросу неоднозначны.

С. С. Алексеев к числу таких свойств относил наличие волевого характера, а также возможность опосредования при помощи специфических юридических средств [1, с. 53]. По мнению Н. В. Сильченко, общественное отношение, имеющее правовую природу, характеризуется рядом факторов:

- а) основано на имущественном неравенстве;
- б) его участники строят отношения на эквивалентных началах;
- в) базируется на формальном правовом равенстве сторон и делает следующее из него фактическое неравенство закономерным, правильным, правовым;
- г) может нормально функционировать только на принципе всеобщего равенства;
- д) социально контролируется [4, с. 19–20].

Для характеристики отношений, уже подвергнутых правовой регламентации, необходимо использовать иное понятие — «предмет правового регулирования». В противном случае получается, что субъекты правотворчества, отражая действительность в нормативных правовых актах, всегда безошибочно определяют сферу правового регулирования. Анализ современного российского законодательства показывает, что реальные границы правового регулирования, установленные субъектами правотворчества, как правило, не соответствуют границам, определяющим сферу правового регулирования. Возможны ситуации как их сужения, выражающиеся в наличии пробелов, так и неоправданного расширения, когда правовое регулирование приобретает избыточный характер. Абсолютно точное установление сферы правового регулирования — недостижимый идеал, поскольку правовое регулирование — это реакция на развитие общественных отношений. Чтобы установить

потребность в регулировании отношений, имеющих правовую природу, требуется время. Потенциальная возможность широкомасштабного правового вмешательства в те или иные общественные отношения не тождественна целесообразности подобной интервенции [4, с. 64].

Список литературы

1. *Алексеев С. С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1967.
2. *Лазарев В. В.* Определение сферы правового регулирования // Правоведение. 1980. № 5.
3. *Сильченко Н. В.* Границы деятельности законодателя // Гос-во и право. 1991. № 8.
4. *Фаткуллин Ф. Ф.* Теория государства и права. Казань, 2010.

А. А. Иванов

Состояние органов общей полиции царской России в условиях военного времени в июле 1914 — феврале 1917 года

Рассмотрение Государственной Думой реформ российской полиции, предлагаемых еще с 1907 г. Министерством внутренних дел, было прервано вступлением России в начавшуюся войну, последовавшей бесконечной министерской чехардой, началом затяжного экономического кризиса и многими другими трудностями. Поэтому реально законопроект 1907 г. «О преобразовании полиции в Империи» [1; 2] стал рассматриваться лишь осенью 1916 г. и частично был принят 23 октября [3].

В числе реализованных положений законопроекта основными стали мероприятия по увеличению штатной численности городской и уездной полиции: в уездах нагрузка на одного полицейского стражника была снижена с 2500 жителей до 2000. Кроме того, в штаты городской полиции был введен полицейский резерв, предназначенный для подготовки кандидатов на службу в полицию и для усиления наружной полиции в необходимых случаях. Существенно увеличивались полицейские штаты столиц.

Однако это обращение к проблемам обеспечения внутреннего организационного порядка посредством увеличения штата полицейских учреждений и некоторого улучшения материального положения работников полиции было уже запоздалым.

Казенно-патриотический подъем начального этапа войны не был чужд и служащим полиции. На его волне многие из них (даже при имеющейся отсрочке) выразили желание добровольно отправиться в действующую армию. Предлагалось из мобилизованных полицейских сформировать особую «полицейскую армию», а для несения полицейской службы оставить на местах полицейских старше 43 лет и при необходимости «вести натуральную повинность, к которой привлечь все мужское население» [4, с. 593].

Полицейских сил на местах становилось все меньше. Особенно это было характерно для сельской местности, где мужское население (если не подверглось мобилизациям) было в городах на заработках.

В дальнейшем такая частная инициатива призыва в действующую армию чинов полиции и жандармерии вылилась в реальные думские предложения «Об упразднении уездной полицейской стражи и о призыве на действительную службу в войска чинов запаса и ополчения, состоящих на полицейской службе» от 28 июля и от 1 августа 1915 г. Депутаты считали, что Россия не требует современного громадного комплекта сельской полиции (урядников, стражников), вследствие чего последняя, несомненно, без всякого ущерба для порядка в стране, хотя бы и не в полном составе, но может быть привлечена на пополнение армии.

Департамент полиции постарался возразить, мотивируя свою позицию небольшим списочным числом полиции в стране, а также тем, что имеется ее значительный недокомплект, особенно в крупных городах. В отзыве, подготовленном МВД к концу августа 1915 г., на предложения депутатов, отмечалось, что от призыва в войска освобождаются должностные лица, отсутствие коих на время войны нарушило бы правильное течение жизни государства. Одно из необходимых условий победы — мир внутри страны, поддержание в ней порядка, предупреждение всех нежелательных эксцессов, а ведь это и является назначением полиции.

Последний раз вопрос о призыве на военную службу полицейских поднимался в декабре 1916 — январе 1917 гг., когда в ответ на сетование Военного министерства о том, что в России остались непризванными лишь лица старше 41 года или юноши 18 лет, МВД ссылалось на большие и неоправданные финансовые трудности [5, с. 168].

Министерство внутренних дел, испытывая серьезные кадровые затруднения, уже в первой половине 1916 г. несколько раз обращалось к военным властям с просьбой о командировании в его распоряжение непригодных для службы в армии нижних чинов. Столичные градоначальники

чальники еще летом — осенью 1916 г., переживая катастрофический недокомплект полиции, безрезультатно просили военные власти о командировании в их распоряжение хотя бы нескольких сотен «состоящих на действительной военной службе чинов» для занятия должностей городских. Для разрешения этой проблемы понадобилось вмешательство самого императора, который распорядился выделить для Петрограда «в виде исключительной меры... 600 нижних чинов из числа непригодных к отправлению в армию в составе маршевых рот... без исключения их из действительной военной службы» [5, с. 159].

Полиция находилась в состоянии постоянного острого кризиса. Отток руководящих кадров, как и нижних чинов полиции, являвшихся военнообязанными, но при этом по закону не освобождаемых от мобилизации, увеличение числа полицейских в условиях войны (осенью–зимой 1916 г.) привели к тому, что на службу стали массово привлекаться недостаточно подготовленные лица, малограмотные выходцы из крестьянства либо вовсе безграмотные.

Работая за чистое жалование (довольно незначительное, хотя и несколько повышенное в апреле 1915 г.), без реальных социальных гарантий, полицейские тяготились своей службой вплоть до массовых отказов, например, московских полицейских, выходить на службу (как это уже было в некоторых крупных городах в 1905 г.) [6, с. 356, 366], они проникались либеральными настроениями, а нередко выражали готовность присоединиться к волнующимся народным массам [7, с. 38].

По сообщению пермского губернатора, с середины 1916 г. положение низших чинов полицейской стражи становится «крайне бедственно», «все низшие чины полиции и их семейства вследствие переживаемой теперь дороговизны жизни положительно голодают, сильно обносились, новую одежду им приобрести абсолютно не на что... Стражники, не стесняясь, заявляют, что лучше идти на позиции, чем голодать на полицейской службе» [5, с. 166].

В военные годы особо пострадал агентурный состав общей и политической полиции. Агенты наружного наблюдения были вольнонаемными, не имели статуса государственных служащих, поэтому практически полностью были мобилизованы в действующую армию. Агентура политической полиции также массово отправлялась в войска [5, с. 152–154].

Вступление России в Первую мировую войну в 1914 г., сопровождавшееся патриотической эйфорией первых дней [8], вскоре обернулось военными и трудовыми мобилизациями, начавшимися перебоями в снаб-

жении крупных городов важнейшими продуктами питания и предметами первой необходимости, резким взлетом цен на них (в том числе и по причине закрытия многих лавок и магазинов, не приносящих видимой прибыли по причине установленных правительством «твердых цен»).

Осенью 1916 г. положение усугубилось неурожаем (одна из причин которого — сокращение посевных площадей), что повлекло за собой введение в отдельных местах карточной системы, даже некоторых элементов продразверстки и др.

Все это порождало и постоянно подпитывало народное недовольство, перераставшее с осени 1915 г. в стихийные погромы и массовые беспорядки.

Высшее руководство Министерства внутренних дел и Департамента полиции засыпало местные власти циркулярами с требованиями борьбы с проявлениями неповиновения, но основная нагрузка ложилась на плечи низового аппарата местного самоуправления и полиции, которые ничего предпринять своими силами не могли.

Описанная структура и организация деятельности полицейских сил монархической России общей численностью в 145 тыс. человек сохранялась до весны 1917 г. и была ликвидирована двумя постановлениями Временного правительства от 10 марта 1917 г. «Об упразднении Департамента полиции и об учреждении временного управления по делам общественной полиции» и от 17 апреля 1917 г. «Об учреждении милиции».

Список литературы

1. *Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России: приложение 5-е к законопроекту о преобразовании полиции в Империи.* СПб., 1913.

2. *Законопроект о преобразовании полиции в Империи.* СПб., 1913. 42 с.

3. *Высочайше утвержденное Постановление Совета Министров от 23 октября 1916 г. «Положение об усилении полиции в 50 губерниях Империи и об улучшении служебного и материального положения полицейских чинов» // Собрание узаконений и распоряжений правительства.* 1916. № 307, ст. 2426.

4. *Во власти настроения // Вестник полиции.* 1914. № 34. С. 593–595.

5. *Романов К. С. Департамент полиции МВД накануне и в годы Первой мировой войны (1913–1917 гг.) : дис. ... канд. ист. наук.* СПб., 2002.

6. *Перегудова З. И.* Политический сыск России (1880–1917 гг.). М., 2000.

7. *Румянцев А. Г.* «Полицейские пулеметы» в феврале 1917 года: миф или реальность? // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды / ред. кол.: А. Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д. А. Бажанов, А. А. Иванов. СПб., 2015.

8. *Юдин Н. В.* Патриотический подъем в начале Первой мировой войны: конструктивистский ракурс // Вестник МГИМО. 2014. № 4(37). С. 17–25.

М. Р. Ишкаев

Формирование запрета на кровную месть в древнерусском праве

Распад родовой общины и ее замещение территориальной, объединение смежных родов и появление высшей общей власти в виде круга лиц, занятых осуществлением управления, — эти процессы не только вызывают к жизни государственную модель, но и делают необходимым ограничение мести [1]. Основным орудием государственной машины становится законодательство.

Договор Олега с греками 911 г. допускал месть за убийство: «Убьет ли Русин Христианина или Христианин Русина да умрет там же, где учинит убийство» [2, с. 9–11]. При этом ст. 3 Договора 911 г. ограничивала месть, если лицо, чья вина в совершении преступления доказана на суде, сбежало от наказания, при этом у виновного имелось имущество, на которое могло быть обращено взыскание для удовлетворения родственников убитого.

Договор Игоря с греками 945 г. [2, с. 12–16] исключал возможность родственникам убитого вершить самосуд на месте преступления, установив обязанность задерживать преступника и держать его до суда. Как полагал М. Ф. Владимирский-Буданов, такое различие между положениями Договоров Олега и Игоря в отношении мести стало возможным ввиду того, что в момент заключения договора Олег как победитель мог диктовать Византии свои условия, а потому греки стремились примирить свои понятия о смертной казни за убийство с русским обычаем мести так, чтобы для русских сохранилась полная возможность применения мести [3].

Запрет кровной мести был принят в 1072 г. на княжеском съезде при сыновьях Ярослава Мудрого, полностью заменивших самосуд де-

нежным выкупом. Это событие отражено в ст. 2 Русской Правды Пространной редакции. По мнению С. В. Жильцова, отмена кровной мести и введение вместо нее выкупа не сумели в полной мере заменить обычную практику мщения, так как система актов возмездия частного лица по отношению к обидчику продолжала действовать. Власть умело пользовалась правом третейского судьи, взимая с преступников причитающийся ей откуп. Обычаи русичей ослабевали, но право силы, на котором они были основаны, осталось, переходя от рода и племени к частному лицу или представителю государственной власти, действовавшим (как и раньше) по установившейся традиции — с позиции права силы [4].

Таким образом, запрет кровной мести в Древнерусском государстве представлял собой длительный скачкообразный процесс, что требовало проникновения властно-распорядительных и охранительных функций государственного аппарата в сферы общественной жизни.

Список литературы

1. *Белогриц-Котляревский Л. С.* Особые виды воровства — кражи по русскому праву. Киев, 1883.
2. *Самоковасов Д. Я.* Курс истории русского права. М., 1908.
3. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. М., 1905.
4. *Жильцов С. В.* Смертная казнь в праве Древней Руси и юрисдикция Великого князя в ее применении // Правоведение. 1997. № 4.

С. С. Киселев

Беззащитность детей в информационном пространстве. Что дальше?

Основу типологии государства традиционно составляют формационный и цивилизационный подходы. В рамках последнего принято выделять постиндустриальное общество. Элвин Тоффлер называл такое общество информационным. По его мнению, стремительные технологические процессы к началу XXI в. буквально разорвут общество, так как будущее наступит для него преждевременно. В 1970-е гг. Э. Тоффлер [1, с. 36] предсказал наше настоящее, в котором главной ценностью станет информация и технологии, связанные с нею, а также то, что ни взрослые, ни тем более дети не будут до конца готовы адекватно реа-

гировать на соответствующие социальные вызовы. Но вряд ли он мог предположить, насколько окажется прав...

Каждую секунду в сети Интернет появляется 6 тысяч новых «твитов», обрабатывается 40 тысяч поисковых запросов в Google и отправляется около 2 млн электронных сообщений. В мировой сети в 2012 г. насчитывалось почти 700 млн сайтов, а всего через 5 лет это количество превысило 4 млрд.

В условиях такого тотального потребления информации и технологий ребенка уже трудно чем-либо удивить. Родители чрезвычайно отстали от нового поколения и не могут (или не хотят) предупреждать трагедию. На этом фоне множество детей подверглись воздействию ужасающего тренда танатофилии (танатомании).

В настоящее время можно выделить следующие игры, представляющие угрозу жизни и здоровью детей:

1. Игра «Огненная фея». В инструкции для девочек 4–8 лет описывается, как, открыв ночью газ, утром можно стать феей Винкс.
2. Игры «Синий кит». «Тихий дом». «Разбуди меня в 4.20».

Ключевые вопросы: кому это нужно, кто создает эти группы. Маньяки, сектанты, экстремисты? Какова их цель? В настоящее время известно только то, что с детьми работают взрослые люди, осознающие свою цель и идущие к ней системно и планомерно. Суть действий этих преступников — внушить ребенку то, что он неудачник, а есть другой мир, где он будет избранным. Анализировать систему игры можно очень долго, учитывая особенности каждой истории гибели ребенка. Главное, что преступники (так называемые кураторы) заставляют детей в результате сложной манипуляции над их сознанием совершать суицид. Другими словами, они не доводят детей до самоубийства, а являются организаторами и исполнителями убийства потерпевших их же руками. Жертвы, подвергшиеся такому психологическому насилию, уходят из жизни, до конца не понимая суть происходящего. Манипуляции над сознанием ребенка в целях его ухода из жизни, безусловно, должны рассматриваться как способ убийства.

Но проблема не только в том, за что и как наказывать этих злоумышленников, а больше в предупреждении новых трагедий. В указанной книге Э. Тоффлера отдельная глава «Люди: модульный человек» содержит систему обучения детей высоким темпам изменений [1, с. 68–70].

Родители должны научить детей адекватно воспринимать информацию. Научить находить в Интернете безопасную информацию. По-

высить уровень общей безопасности медиа-устройств. Предостерегать ребенка от встреч с незнакомцами. Убедить ребенка советоваться и принимать совместные решения.

Список литературы

1. *Тоффлер Э.* Шок будущего / пер. с англ. Е. Рудневой. М., 2002.

М. А. Кожевина

К вопросу о периодизации советского образовательного права

Проблема периодизации в историко-правовой науке обострилась в силу меняющегося отношения к прошлому. Если в советский период периодизация отечественной истории воспринималась как данность, поэтому многие исследуемые процессы «приноравливались» к существующей периодизации Российского государства, то в связи с признанием формационного и цивилизационного подхода к периодизации исторической действительности высветились аспекты, ранее не обсуждаемые советской наукой. Например, теория Ф. Броделя о множественности временных ритмов и временных потоков не ставила вопрос о локально-исторических свойствах действительности, следовательно, и о ее периодизации, об асинхронности различных процессов, не рассматривалась и условность периодизации как метод упорядочения материала, а не самой исторической жизни.

На фоне многоплановых дискуссий о периодизации отечественного государства и права высвечивается проблема выбора критериев периодизации. «Выделяемые периоды должны объединять события и процессы, которые рассматриваются как типологически однородные и отличаются по каким-то существенным признакам от событий и процессов как предшествующего, так и последующего этапов развития» [1, с. 268]. В качестве основных критериев периодизации любого исторического процесса следует рассматривать базовые ценности, определяющие поведение людей, руководящие их поступками и выбором приоритетов, которые существенно различают состояние общества на разных этапах развития. Предложим свое видение периодизации одной из сторон советской действительности — советского образовательного права.

Октябрь 1917 г. считается началом нового периода в истории отечественного государства и права. Выделяются периоды культурного стро-

ительства, по своим хронологическим рамкам они совпадают с периодами истории советского государства. Однако внутри самого процесса, состоящего из относительно самостоятельных направлений культурного развития (в том числе образования и просвещения), наблюдается асинхронность. Каждое направление имеет свой механизм развития, следовательно, и свою периодизацию.

Одним из определяющих факторов в развитии системы советского образования, на наш взгляд, является уровень образованности населения. От решения этого вопроса зависело состояние всей образовательной системы. Периодизацию следует осуществлять на основе критерия правовой регламентации развития общего образования как важного фактора становления и самой системы.

Первый этап связан с созданием условий для массового образования и с формированием единой трудовой школы (1917–1930 гг.). Центральным в ряду нормативных правовых актов, развивающим положения политической доктрины в области образования и определившим суть начального этапа реформы образования, стал декрет ВЦИК РСФСР от 16 октября 1918 г. «О Единой Трудовой Школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение)». С принятием постановления ВЦИК РСФСР и СНК РСФСР от 10 августа 1930 г. «О введении всеобщего начального обучения» завершается первый этап в развитии советского образовательного права. С введением обязательного начального образования начинается второй этап — с 1930 г. до начала Великой Отечественной войны, годы которой следует рассматривать как самостоятельный этап: 1941–1945 гг. Четвертый этап охватывает послевоенный период до 1958 г., когда было введено обязательное семилетнее обучение. Реформа в школьной системе, связанная с профессионализацией школы и введением обязательного восьмилетнего обучения, положила начало пятому этапу, который завершается в 1972 г. с переходом к обязательному среднему образованию. Очередная реформа в общеобразовательной сфере, направленная на внедрение новых образовательных программ, фактически определила последний (седьмой) этап: 1984–1991 гг.

Таким образом, процесс формирования советского образовательного права осуществлялся одновременно с формированием системы советского образования. Развитие системы законодательства и отдельной его отрасли (образовательного права) связано с принятием нормативного правового акта, выступающего в качестве «активного центра отрасли законодательства». Это законы, устанавливающие общие по-

ложения об обязательном образовании, подлежащие конкретизации в других нормативных правовых актах, или нормативный правовой акт, аккумулирующий всю предшествующую законотворческую практику в части установления обязательного уровня общего образования для советских людей.

Список литературы

1. Данилевский И. Н. Тупики периодизации, или Периодизация в тупике // Одиссей. Человек в истории 1998. Личность и общество: проблемы самоидентификации. М., 1999. С. 264–270.

И. А. Кузьмин

Проблема выбора и применения способов толкования права

Осуществление прав, обязанностей и полномочий различными субъектами права производится одновременно с толкованием юридических норм, устанавливающих правовой статус соответствующих субъектов и обеспечивающих его динамику. Уяснение и последующее разъяснение смысла правовых норм достигается за счет обращения заинтересованных лиц к системе специальных способов толкования права, от правильного выбора и применения которых зависит качество любой юридической (в том числе правотворческой, правоприменительной/правоохранительной) деятельности.

Проблема выбора и применения способов толкования права имеет объективные и субъективные основания [1, с. 21]. Первые складываются независимо от желания и воли субъекта толкования права, а вторые непосредственно зависят от интерпретатора, его личности, статуса и возможностей.

К объективным основаниям проблемы выбора и применения способов толкования права можно отнести:

— наличие официальных позиций органов государственной власти и местного самоуправления (предписывающих ориентироваться на определенную модель толкования права [2, с. 23–24; 3, с. 245–247]) — ограничение возможности интерпретатора в выборе способов толкования права, исходя из заданных рамок;

— несовершенство законодательства с позиции охвата предмета и качества правового регулирования (общественные отношения из-

лишне, не полностью, не в требуемой мере или ненадлежащим образом упорядочиваются нормами позитивного права) — сложность в истолковании нормы права для обеспечения ее эффективной реализации при соблюдении законных интересов государства, общества и личности;

— несовершенство законодательства с юридико-технической позиции (отступление от правил юридической техники, ненадлежащее применение/неприменение необходимых приемов и средств юридической техники) — трудности в установлении истинного смысла нормы права, который закладывается субъектом правотворчества в ее содержание;

— отсутствие у субъекта толкования права доступа к правовым актам, материалам правоприменительной практики, справочным и иным важным информационным ресурсам — неполнота понимания субъектом права сферы и особенностей действия норм права;

— иные объективные основания (масштабные и скоротечные реформы законодательства, изменение политического курса и др.).

К числу субъективных оснований проблемы выбора и применения способов толкования права могут быть отнесены:

— некомпетентность/непрофессионализм субъекта толкования права (низкий уровень или отсутствие правовой грамотности, навыков толкования, недостаточность специальных знаний и т. д.) — высок риск неправильного выбора способа толкования права, т. е. неверное понимание норм права;

— отсутствие у субъекта толкования права необходимых полномочий или ограничение его в полномочиях по толкованию права — характерно для субъектов официального толкования права, влечет невозможность ссылаться на соответствующие акты толкования права в процессе официальной юридической деятельности;

— небрежное (безразличное) отношение субъекта толкования права к своим обязанностям по толкованию права — вынесение (принятие) некачественных интерпретационных правовых актов;

— коррупционные и иные противоправные (недобросовестные) мотивы у субъекта толкования права (наличие мотивации и стремления истолковать нормы права в частных интересах) — умышленное искажение истинного смысла нормы права;

— иные субъективные основания (приверженность субъекта толкования права определенной идеологии, его корпоративная принадлежность, лояльность и др.).

Последствия неправильного выбора и/или применения способов толкования права могут быть различны, начиная от создания дополни-

тельных препятствий (сложностей) для осуществления прав и исполнения обязанностей участниками социальных связей и заканчивая причинением реального вреда государству и обществу, появлением угрозы основам правопорядка и законности в масштабах страны.

Полагаем, что необходимым условием повышения эффективности любой правоинтерпретационной деятельности является минимизация влияния на данный процесс обозначенных объективных и субъективных оснований проблемы выбора и применения способов толкования права, которые должны находиться в зоне пристального внимания правотворческих и правоприменительных органов.

Список литературы

1. *Черданцев А. Ф.* Толкование норм советского права. М., 1979.
2. *Пошивайлова А. В.* О гармонизации судебной практики и нормотворческой деятельности // Право и государство: теория и практика. 2014. № 9.
3. *Татаринов С. А.* К вопросу о юридической силе постановлений Конституционного Суда Российской Федерации и актов судов общей и арбитражной юрисдикции // Вестн. Том. гос. ун-та. 2015. № 401.

О. Б. Купцова

Латинская терминология и фразеология в формировании языковой культуры юриста как предпосылка совершенствования юридической науки и практики

Процессы глобализации и правовой гармонизации, происходящие в современном обществе, носят устойчивый и прогрессивный характер. Результаты научных исследований и анализ юридической практики дают основание полагать, что особое внимание уделяется развитию языковой культуры юриста, которая, как справедливо отмечает О. А. Жилева, является одной из качественных характеристик специалиста в современном мире [1, с. 245]. Понимая языковую культуру личности как обусловленный языковой культурой общества характер прогрессивно-языкового развития личности [2], можно утверждать, что она зависит не только от внутренних качеств самого субъекта, формируемых как самостоятельно, так и в процессе юридического образования, но и обусловлена особенностями языковой культуры общества.

Язык права возникает как функциональная трансформация нормативных высказываний доправового социального регулирования, представляет собой социально-исторически обусловленную систему способов и правил словесного выражения понятий и категорий, выработанных и применяемых в целях правового регулирования поведения субъектов общественных отношений [3, с. 9]. Можно утверждать, что язык выступает как средство воплощения права, причем единицы языка права адаптируются к потребностям существования правовой информации и ее развития.

Языковая культура общества основывается на дихотомии воздействия как традиционных для данного общества факторов, так и лингвистической инноватики. Как отмечают некоторые исследователи, новаторство и традиции — это две стороны развития образования и всего общества в целом [4, с. 3]. В связи с этим подчеркиваем позитивную роль возрождения традиций дореволюционной юриспруденции. Латинский язык с каждым годом все больше возвращается в научную и практическую деятельность юриста. Латынь существует в названиях статей, монографий, журналов и др. Например, «*Lex russica*», «*Jurisprudentia eloquenta*» [5, с. 20] и т. д. Латинская терминология содержится в постановлениях Европейского Суда по правам человека, обозначает определенные принципы или конструкции данного судопроизводства. В качестве наиболее распространенных можно отметить: *mutatis mutandis*, *amicus curiae*, *prima facie* и др. Латинские термины содержатся в конституциях ряда государств: в Конституции Республики Гвинея Бисау и Конституции Республики Мозамбик: *reformatio in pejus*, *habeas corpus*, *non bis in idem* и т. д.

Известный ученый В. С. Нерсисянц писал, что юридическая латынь — это материнский язык юриспруденции [6]. Символический язык права создает проблему поиска точного образа, преодоления разрыва между буквой и духом, мыслью и словом, формой и содержанием. Разделяя мнение Д. Валдеса, укажем, что юридическая латынь представляет своего рода *lingua franca*, т. е. франкское наречие, в переносном смысле — смешанный / универсальный язык. Другими словами, язык, сохраненный юридической практикой в значительной части мира [7, с. 26].

Все отмеченное предопределяет необходимость проявления особого внимания к языковому выражению правовой действительности, в котором особое место занимает латинская терминология и фразеология. Кроме того, одним из показателей профессиональной культуры юриста является общий уровень развития. Существует ряд латинских

высказываний, используемых во многих сферах науки и практики, в настоящее время они становятся общеупотребительными: *nota bene, sine cura, persona non grata* и т. д.

Поскольку в современном обществе наблюдаются явные тенденции интернационализации юридической науки и практики в глобализованном мире, а также идет возрождение традиций языковой культуры юриста, то особую роль играет латинская терминология и фразеология как важнейший компонент юридического языка. При объективном характере данных преобразований, отметим, что нужно стремиться к тому, чтобы важнейшая рабочая юридическая терминология в определенной ее части была унифицирована и облегчала правовое общение. В этом случае латинская фразеология могла бы служить неким связующим звеном в аспекте активного развития международного юридического взаимодействия.

Список литературы

1. *Жиляева О. А.* Языковая культура как фактор успешности профессиональной деятельности // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 93.
2. *Акатова Т. И.* Языковая культура личности как социокультурный феномен // Педагогическое образование в России. 2012. № 2. С. 91–93.
3. *Шепелев А. Н.* Язык права как самостоятельный функциональный стиль : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2002.
4. *Хуторской А. В.* Педагогическая инноватика. М., 2010.
5. *Темнов Е. И.* *Jurisprudentia eloquenta* — Звучащая юриспруденция. М., 2015.
6. *Дождев Д. В.* Римское частное право. М., 2003. 784 с.
7. *Валдес Д.* Язык права и право языка. М., 2008.

О. А. Липич

Роль потребительской кооперации в решении вопросов продовольственной безопасности: историко-правовой аспект

Продовольственная безопасность является одним из важнейших приоритетов государственной политики любого государства, практически каждое государство разрабатывает определенную систему мер, нацеленных именно на это.

Решение вопросов продовольственной безопасности России возможно за счет привлечения организаций системы потребительской кооперации к реализации государственной политики по импортозамещению. Такой положительный опыт в истории нашей страны уже был, когда уменьшение рисков и угроз продовольственной безопасности Советского государства осуществлялось посредством потребительской кооперации.

Важнейшим направлением деятельности потребительской кооперации после Октябрьской революции было распределение продовольствия под контролем государства. При установлении в законодательстве определенных ограничений деятельности потребительских обществ они продолжали организовывать общественное и коммунальное питание, собственное производство, удовлетворять жилищные, культурные и другие нужды населения.

Обозначившиеся тенденции постепенного огосударствления кооперации привели к тому, что в годы военного коммунизма кооперация выполняла только функции аппарата распределения среди населения товарных и продовольственных ресурсов. Новые принципы кооперативной политики излагались в тезисах, подготовленных В. И. Лениным 7–18 января 1918 г. [1, с. 79–80]. Для этого предстояло объединить граждан в местное потребительское общество, через которое происходило бы снабжение населения продуктами. Такое потребительское общество могло заниматься закупкой товаров, их распределением и сбытом. Правление общества должно было образовать комитеты снабжения. Продукты передавались туда по свободным ценам, за исключением случаев, когда закон устанавливал «твердые цены». Деньги, поступающие в качестве оплаты за продукты, записывались на текущий счет собственника в местном отделении Народного банка. Контрольные полномочия за деятельностью комитетов снабжения возлагались на местные Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов [1, с. 80]. Декрет СНК РСФСР от 11 апреля 1918 г. «О потребительских кооперативных организациях» закрепил за потребительской кооперацией функции распределения и заготовок предметов потребления среди всего населения, проживающего на территории деятельности общества.

Огосударствление кооперации привело к тому, что она преобразовалась из общественно-хозяйственной системы в технический аппарат государственных продовольственных органов. Свое законодательное оформление эта трансформация получила в декрете СНК РСФСР от 20 марта 1919 г. «О потребительских коммунах», т. е. потребитель-

ская кооперация стала заниматься распределением продуктов питания и предметов первой необходимости.

В период новой экономической политики восстановление хозяйственного оборота тоже связывалось с кооперацией. Политико-идеологические основы развития потребительской кооперации, а также решение вопросов продовольствия этого периода прослеживаются в партийных документах, выступлениях лидеров партии, в публичной позиции руководителей кооперации, озвучиваемой на кооперативных съездах, отражаемой на страницах печатных изданий.

Современная потребительская кооперация Российской Федерации выполняет важные социальные функции. В настоящее время в регионах разрабатываются и реализуются программы развития потребительской кооперации, предусматривающие создание благоприятных условий для вовлечения организаций потребкооперации в решение государственных и региональных задач в сфере импортозамещения и обеспечения продовольственной безопасности.

Реализация таких программ будет способствовать достижению стратегических целей государственных программ по импортозамещению, в том числе повышению конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции, произведенной в регионах, устойчивому развитию сельских территорий, повышению занятости и уровня жизни сельского населения.

Список литературы

1. Тезисы В. И. Ленина // Декреты Советской власти : в 18 т. М., 1959. Т. 2. 686 с.

А. Н. Лушин

История одного письма

С началом либерализации общественных отношений в период, условно именуемый «оттепелью», особое внимание руководителей МВД СССР было обращено на существенную реорганизацию ведомственных подразделений. Инициатива по кардинальному реформированию некоторых структур иногда исходила от отделов и управлений, т. е. снизу. Так было, в частности, с примечательной историей официального письма, составленного тремя начальниками отделений ОБХСС ГУМ МВД СССР.

В начале июля 1954 г. на имя секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева и министра внутренних дел СССР генерал-полковника С. Н. Круглова поступило объемное письмо за подписью начальников отделений ОБХСС ГУМ МВД СССР, в котором резко критиковалась неудовлетворительная деятельность БХСС по борьбе «против опасных преступников, для которых организация крупных хищений представляет постоянный род занятий, промысел или профессию» [1, л. 251–268]. Авторы письма (полковники Егоров и Стукачев, подполковник Кокоулин) открыто указали на расхождение публичных лозунгов о борьбе с посягательствами на социалистическую собственность с практической деятельностью ОБХСС. Слабую работу органов внутренних дел по борьбе с хищениями социалистической собственности они объясняли тем, что она «поставлена в системе МВД организационно неправильно» [1, л. 254], сетовали на то, что руководство территориальных органов милиции проявляет невнимание к борьбе с расхитителями, не поддерживает должным образом местные структуры ОБХСС. Авторы письма дали объективный анализ деятельности ОБХСС на протяжении последних нескольких лет, выделили наиболее опасные составы экономических преступлений, назвали конкретные регионы, в которых борьба с хищениями социалистической собственности была явно неудовлетворительной.

Выводы и предложения, высказанные в письме, были следующими: «ОБХСС в милиции — это не органическая часть милицейского аппарата, как, например, уголовный розыск или наружная служба, а только придаток. Аппарат ОБХСС не нашел своего прочного места в системе милиции... На отдел или Управление БХСС МВД СССР (численностью в 100–120 ед.) должно быть возложено ведение борьбы с крупными организованными хищениями, с организованной спекуляцией, фальшивомонетничеством, контрабандой, валютчиками и с хищением золота в золотодобывающей промышленности» [1, л. 256, 261]. Ответственные сотрудники ОБХСС ссылались на более раннее письмо, поступившее от их коллег в ЦК КПСС еще в 1952 г., где было высказано предложение о создании самостоятельного подразделения в структуре МГБ СССР, но из-за смерти И. В. Сталина вопрос о реорганизации ОБХСС так и не был решен. Теперь авторы письма предлагали выделить ОБХСС из милиции, что позволит под непосредственным руководством центрального аппарата МВД СССР усилить борьбу с замаскированными крупными хищениями государственного имущества.

Начальник ГУМ МВД СССР генерал-лейтенант М. П. Стаханов 26 июля 1954 г. в докладной записке на имя министра внутренних дел

СССР генерал-полковника С. Н. Круглова отстаивал сохранение ОБХСС именно в милицейской структуре [1, л. 14–15]. Но предложения, высказанные авторами смелого письма о выделении этой структуры из состава милиции в самостоятельный аппарат МВД СССР, были обстоятельно рассмотрены на заседании коллегии МВД СССР 14 сентября 1954 г. [1, л. 443–445]. Выписка из протокола упомянутого заседания коллегии свидетельствует, что работа ОБХСС была признана неудовлетворительной из-за слабого контроля со стороны руководства ГУМ МВД СССР и органов внутренних дел на местах [1, л. 443]. Была создана авторитетная комиссия, в ее состав включили и авторов письма (для систематизации и изучения предложений по улучшению работы ОБХСС и по разработке конкретных мероприятий). На совещаниях руководящих работников ГУМ МВД СССР с октября 1954 г. обстоятельно рассматривались предложения руководителей МВД союзных республик, областных и краевых УВД по изменению подчинения службы ОБХСС в системе МВД СССР [1, л. 306–382]. Фамилии авторов письма в протоколах совещаний присутствуют.

Вызванное письмом трех ответственных сотрудников ОБХСС активное обсуждение роли этого органа в борьбе с экономическими преступлениями, его места в системе МВД СССР привели к активизации деятельности ОБХСС, что значительно повысило внимание государственных органов к серьезным насущным проблемам. Это в дальнейшем позитивно отразилось и на результатах борьбы с хищениями социалистической собственности.

Список литературы

1. ГАРФ. Ф. 9415. Главное управление милиции (ГУМ) МВД СССР. 1931–1960 гг. Оп. 3. Д. 831.

Т. Л. Матиенко

Досудебное уголовное производство в России в первой половине XIX века: соотношение «дознания» и «розыска»

В изучении проблематики истории и перспектив российского уголовного судопроизводства центральное место отведено судебной реформе 1864 г. Состояние дореформенного уголовного правосудия (в особенности досудебного производства) пока редко выступает самостоятельным предметом исследования. Изучение вопроса о правовом

регулировании уголовного досудебного производства в первой половине XIX в. позволяет не только пролить свет на причины судебной реформы и предшествовавшей ей реформы предварительного следствия, делая упор на недостатки дореформенного уголовного судопроизводства в целом, но и проследить степень соотношения преемственности и новаций в эволюции институтов следствия, дознания и розыска. Обозначенная исследовательская задача требует взвешенного научного подхода и поэтапного разрешения входящих в ее круг вопросов, один из них — о соотношении в дореформенном досудебном уголовном производстве институтов дознания и розыска.

В начале XIX в. в целях адаптации государственного аппарата к новым условиям развития капитализма российская монархия провела крупную реформу государственного управления и систематизацию права. Были учреждены министерства, централизовано управление органами полиции, расширен ее аппарат путем создания новых подразделений. В 1832 г. был издан Свод Законов Российской империи. Все эти мероприятия отражали эволюцию правовых форм реализации охранительной функции государства. Решение задач уголовного преследования преступлений было полностью возложено на полицию.

До издания Свода Законов общая полиция в деятельности по предупреждению и расследованию преступлений руководствовалась Учреждениями для управления губерний 1775 г., Уставом благочиния 1782 г., а также Соборным уложением 1649 г., Новоуказными статьями 1669 г., Артикулом воинским 1715 г., Именным указом 1766 г. «О скорейшем решении о колодниках дел» и др. При получении сведений о происшествии полиции следовало «дознать и привести в ясность, учинился ли такой-то случай или нет» [1, с. 119], т. е. полиции следовало установить элементы состава преступления, его обстоятельства и лиц, причастных к нему. Средствами такого полицейского расследования были повальный обыск, свидетельские показания и личный поиск, проводимый чинами полиции. Повальный обыск проводился в соответствии с нормами Соборного Уложения 1649 г., а опрос свидетелей — с нормами Учреждений 1775 г. (ст. 243, 266) и Устава 1782 г. (ст. 105, 106). Личный поиск включал осмотры места преступления и / или пострадавшего в целях обнаружения следов преступления, а также осмотры и обыски помещений в целях нахождения похищенного имущества или скрывшегося преступника.

В Своде Законов 1832 г. (Т. XV), сконцентрировавшем накопленные правовые нормы, регулировавшие уголовно-процессуальные от-

ношения и определявшие полномочия органов полиции в расследовании преступлений, эта стадия полицейского расследования получила название «предварительное следствие». Это первая стадия досудебного производства, вторая его стадия была представлена «формальным следствием», а все досудебное производство именовалось «предварительным расследованием». Задачей «предварительного следствия» было установить, действительно ли имело место происшествие, заключающее в себе признаки преступления, привести в известность все обстоятельства, указывающие на такое деяние. Формальное следствие определялось как «объем всех действий следователя, которые направляются против известного лица, поставленного в состояние обвинения по причине известного преступления, чтобы иметь возможность окончательно решить, действительно ли, в каком виде и степени учинило оно рассматриваемое преступление, достойно ли оно наказания» [2, с. 111–121, 74–94; 3, с. 166, 147; 4, с. 736–737]. Фактически в российском уголовном судопроизводстве уже сложились институты следствия и дознания в их современном понимании, хотя формально-юридического определения они еще по получили.

В содержании глав II–V: «Об исследовании происшествия и об осмотре», «О выемках и обысках в домах», «О взятии и представлении обвиняемого к следствию», «О пресечении обвиняемым способов уклониться от следствия и суда», а также в нормах «Общего учреждения губернского» усматривается регулирование сыскной деятельности полиции (или розыска) по уголовным делам. Основаниями к началу производства «предварительного следствия», согласно букве закона, были жалобы потерпевших, донос, поручения прокуроров и стряпчих, явка с повинной. Разрешая главный вопрос «предварительного следствия» (действительно ли происшествие учинилось и заключает в себе признаки преступления?), полиция на месте происшествия обязана была провести поисковые действия: осмотр, обыск, выемки, расспросы, которые по терминологии Свода стали следственными, а также действия розыскные, т. е. преследование скрывшихся преступников. При этом полиции предписывалось проводить расследование преступлений «тотчас на месте», где «оно учинилось», «приводить в известность все обнаруживающие преступление обстоятельства и признаки, и буде возможно по горячим следам».

При осмотре места преступления и потерпевшего следовало зафиксировать «явственные признаки преступления, бой, увечье и всякие следы», собрать, тщательно уложить, а по возможности запечатать, при-

общить к делу найденные инструменты, орудия и вещи, «могущие служить доказательством или объяснением» преступления. Для получения сведений о преступлении и открытия его следов надлежало опросить «всякого без изъятия». Преступников, задержанных на месте преступления по горячим следам, беглых и подозрительных людей следовало обыскать и допросить.

Обыски и выемки в домах полиция производила как в целях расследования, так и в целях предупреждения преступлений, если были получены сведения о скрывающихся преступниках, беглых или об утаивании поличного (т. е. похищенного имущества). Вместе с полицейскими чиновниками в обысках и выемках обязаны были принимать участие доносители. Обыски и выемки предписывалось проводить в присутствии понятых. Все письменные материалы передавались затем соответствующему полицейскому чиновнику для производства «формального следствия».

Формально-юридический анализ правовых норм, регулирующих действия полиции по производству «предварительного следствия» и раскрывающий их содержание, наглядно показывает, что «предварительное следствие» по Своду 1832 г. по целям и средствам производства представляло собой совокупность дознания (цель) и розыска (средства) в их современном понимании. Причем эта взаимосвязь была настолько сильной, что образец записки, составляемой полицейским чиновником по окончании предварительного следствия, где фиксировались все его результаты, был наименован «Розыск» [5, с. 25]. Дореволюционные авторы, стремившиеся систематизировать и прокомментировать нормы Свода, регулирующие деятельность полиции по производству предварительного следствия, отмечая эту взаимосвязь, подчеркивали, что предварительное следствие «есть изыскание» по горячим следам [3, с. 149], а «розыск есть основа следствия» [5, с. 24]. Поэтому розыск следовало проводить «во всех важных уголовных делах — в тех, в которых при открытом преступлении неизвестен преступник, или же где по роду происхождения можно подозревать преступление» [5, с. 28].

В юридической литературе того периода единства в понимании пределов и назначения розыска в досудебном производстве не было. По мнению Д. Долгова, цель розыска состояла в том, чтобы «буквально разъяснить» как прямые, так и все побочные вопросы, касающиеся преступления и происхождения, «сколько можно приблизительнее» определить, точно ли конкретный человек есть действительный преступник, или он ошибочно или умышленно оговорен, точно ли в деле

кроется преступление [5, с. 28]. Ф. Наливкин считал, что в состав розыска «должны входить одни только предварительные сведения и дознания, которые собираются и делаются до приступа к формальному следствию» [6, с. 26]. Н. В. Оболенский утверждал, что розыск, называя так предварительное следствие, и следствие, имея в виду формальное следствие, «по большей части смешиваются и составляют исследование вообще» [7, с. 12–15]. Однако в целом мнения авторов второй четверти XIX в., несмотря на их расхождения в объеме и целях розыска, склоняются к его отождествлению с «предварительным следствием», что не противоречило ни букве закона, ни самой практике предварительного следствия, поскольку все досудебное производство находилось в руках полиции.

Отсутствие четкости определения в законе и в правовой доктрине понятий «дознание» и «розыск» привело к путанице в правах и обязанностях полиции в практике досудебного производства по уголовным делам. В официальных актах применительно к характеристике организации и к деятельности полиции накануне реформ 60-х гг. XIX в. не раз отмечалось, что обязанность, возложенная на частных приставов законом, «делать лично предварительные розыски о происшествиях», исполняется менее подготовленными к этой обязанности квартальными надзирателями, а участие частных приставов ограничивается только подписанием и передачей «поступающих бумаг и дел к исполнению в кварталы, и потом возвращением исполнений по принадлежности».

Первые теоретические попытки определения соотношения дознания и розыска в досудебном производстве подвели к более четкому абстрактному формально-юридическому выделению понятия «дознание», но не «розыск». Дознание сначала в «Наказе полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступления и проступки» 1860 г., а затем в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., трансформированное из «предварительного следствия» Свода Законов, понималось как первая стадия следствия [8, с. 371], равно как и действия полиции, осуществляемые в целях удостоверения «действительно ли происшествие случилось и точно ли в нем заключаются признаки преступления или проступка» (ст. 253). Тогда же «формальное следствие», переданное судебным следователям, стало «предварительным следствием», составив вторую стадию уголовного судопроизводства.

Розыск в законодательстве и в правовой доктрине первой половины XIX в. рассматривался исключительно как вспомогательное средство досудебного производства, не осознавался и не выделялся как

особая деятельность полиции в рамках уголовного преследования. Но в то же время он признавался необходимой фактической основой досудебного производства, сохраняя восходящую к эпохе возникновения государства генетическую связь с судебным процессом, а также, выступая как органичная составная часть дознания, приобретал признаки автономного правового регулирования, делая первые шаги в направлении перерастания в самостоятельный вид правоохранительной деятельности.

Список литературы

1. *Гуляев П.* Права и обязанности градской и земской полиции и всех вообще жителей Российского государства по их состояниям. М., 1824.
2. *Баршев Я. И.* Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. Репринтное переиздание. М., 2001.
3. *Линовский В.* Опыт исторических разысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. Одесса, 1849.
4. *Чельцов-Бebutov М. А.* Курс уголовно-процессуального права. Очерки истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995.
5. *Долгов Д.* Основные формы уголовных следствий, вообще принятых при их производстве. СПб., 1846.
6. *Наливкин Ф.* Важное и необходимое предостережение следователей, обвиняемых и обвинителей по уголовным делам. М., 1847.
7. *Оболенский Н. В.* Практическое руководство к производству следствий. М., 1855. Ч. I.
8. *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. II.

Г. Е. Москаленко

Солидарность как основа права на достойное существование: взгляд П. И. Новгородцева

Одним из основных критериев оценки правового состояния государства является реализация права на достойное существование. Этот вопрос стал одним из главных предметов исследования П. И. Новгородцева.

Обосновывая понятие «право на достойное человеческое существование», П. И. Новгородцев отмечал, что данное право является исключительно нравственной категорией, однако прогрессивное развитие права будет реализовано лишь тогда, когда нравственное сознание будет переходить в правовое. Так мыслитель призывал к юридической разработке основных институтов этого понятия в рамках позитивного права.

Правовед понимал, что поиск сущности «достойного человеческого существования» может свестись к субъективному и бесконечному поиску человеческого идеала, быть слишком широким термином для того, чтобы вписать его критерии в рамки юридической регламентации. П. И. Новгородцев полагал, что когда говорят о праве на достойное человеческое существование, то под этим следует понимать не положительное содержание человеческого идеала, а только отрицание таких условий, которые совершенно исключают возможность достойной человеческой жизни. В дополнение автор проводил параллели с правом на свободу мысли и совести, отмечая, что данные права реализуются путем отсутствия внешних для них стеснений.

На наш взгляд, идея о праве на достойное человеческое существование является продолжением осмысления отечественным ученым идеи свободы. П. И. Новгородцев считал, что задача и сущность права состоит в охране личной свободы, но для осуществления этой цели необходима и забота о материальных условиях свободы: без этого свобода некоторых может остаться пустым звуком, недостижимым благом, закрепленным за ними юридически и отнятым фактически. Таким образом, право, обеспечивающее достойное материальное состояние личности, охраняет ее свободу.

Конкретным юридическим выражением права на достойное существование является развитие профессиональных союзов. По мнению ученого, их создание необходимо в целях поддержания беспомощных людей, страдающих от недостатка личных сил и средств. Одним из верных путей для выхода из этого состояния беспомощности является союз лиц, сближенных общим положением и при помощи взаимной поддержки укрепляющих друг в друге чувство солидарности и сознание свободы. Порождение и дальнейшее расширение чувства солидарности, формирование чувства взаимовыручки, общности интересов и, как следствие, общности задач, стоящих перед обществом, нацелено на реализацию права на достойное существование.

В качестве последующей наиболее сложной задачи П. И. Новгородцев отмечал примирение профессиональных союзов с государственными

интересами. Поиск линии примирения он видел в предотвращении возможных конфликтов и в компромиссе, реализуемом путем осознания того, что достойное существование одних возможно только вследствие беспрепятственного функционирования духовной и хозяйственной жизни других. Таким способом формируются связь, духовное и материальное единство, которые приводят к торжеству общественной солидарности.

Право на достойное существование, являясь одним из основополагающих ориентиров государственно-правового развития, составляет обязательную основу для реализации права на личную свободу индивида. Но для воплощения указанных прав необходимо осознание общности интересов и развитие чувства солидарности, которые служат достижению целостности, порядка и единства в обществе. Таким образом, солидарность является неотъемлемым элементом системы обеспечения права на свободу и достойное существование.

Г. Г. Небратенко

Развитие органов власти Российской империи по управлению полицией в казачьих войсках

В Российской империи существование казачьих войск отражало региональную специфику развития государства, основанного на культивации русского и православного менталитета. Казачество дислоцировалось на стыке цивилизаций, на границе России, являясь ее форпостом и авангардом в освоении бескрайних евроазиатских просторов. В управлении войсками использовались «Особые правила», отличавшие правовой статус казачьих земель и областей от губерний, функционировавших на основе Общих и Особенных учреждений Российской империи, что сказалось на развитии местной полиции.

Очевидно, что российская полиция возникла в 1718 г. в Санкт-Петербурге, но этот тип органов правопорядка появился в провинциях Российской империи с определенным опозданием, поскольку система правоохранительных органов до 8 сентября 1802 г. была децентрализованной. Однако термин «полиция» в дореволюционной науке использовался широко, был синонимом администрации или государственной власти, что отражало реалии, когда органы правопорядка выполняли разнообразные функции, в том числе непрофильные.

Изначально российское казачество было представлено «вольными войсками» (донское, волжское, гребенское и яицкое) и служивыми

казаками, обязанными русскому царю полковой, станичной или городской службой. До 1612 г. казаки состояли в ведении Разрядного приказа, что было некорректно в отношении вольного казачества, но после восшествия на российский престол Михаила Романова «Донские дела» передали в Посольский приказ. С 1719 г. Войско Донское (самое крупное и многочисленное в России) курировало казачье повытье Коллегии иностранных дел, а с 3 марта 1721 г. это была уже казачья экспедиция Военной коллегии [1, с. 452]. По гражданской части, включавшей обязанности полиции и суда, казачеством в XVIII столетии ведал Сенат.

В 1802 г. появилось МВД России, заведовавшее организацией полиции в казачьих войсках, при этом региональные правительства по гражданской части находились в ведении Гражданской и Уголовной палат Правительствующего Сената [2]. Однако по преступлениям, посягающим на основы государственного строя (недовольства, заговоры, бунты, неповиновение властям), в войсках производилось лишь «полицейское дознание или краткое следствие дел», а затем атаман делал доклад министру внутренних дел для принятия им необходимого решения [3, с. 158]. Судебное следствие с 1807 г. осуществлялось «Комитетом для расследования дел по преступлениям, клонящимся к нарушению общественного спокойствия».

В 1812 г. на основании «Учреждения Военно-сухопутных сил» Военная коллегия упразднялась, а дела подчиненной ей казачьей экспедиции переходили в Инспекторский департамент Военного министерства, Комиссариатский департамент, Продовольственный департамент. Однако Военный министр в отношении полиции казачьих войск не обладал законодательной инициативой, но законодательные акты, касавшиеся ее организации, разрабатывались при непосредственном участии Военного министерства, так как комплектование органов правопорядка происходило из местного населения (казаков), обязанного военной службой. В отношении внутреннего гражданского и военного устройства законодательной инициативой обладал «Совет министра» под председательством Военного министра, включавший руководителей департаментов и высший генералитет.

В соответствии с «Положением о преобразовании Департамента военных поселений Военного министерства» от 10 июня 1835 г., военное управление казачьими регионами перешло в компетенцию Департамента военных поселений [4], а в 1836 г. был восстановлен прежде упраздненный «совет Военного министра» под наименованием «Военный совет». Этот совещательный законодательный орган являлся высшим

государственным учреждением по делам военного законодательства и хозяйства, ведавший гражданским управлением казачьими войсками и устройством в них полиции, состоял из 18 представителей генералитета, им назначенных. Председательствовал Военный министр, а главным распорядительным лицом выступал начальник канцелярии Военного министерства [5, с. 859–860].

Военный совет включал общее совещание, несколько совещательных комитетов и канцелярию, сыграв важную роль в создании нормативной базы для полиции казачьих войск. Однако в этих вопросах законодательную инициативу часто проявляли казачьи атаманы. Наиболее важные законопроекты, выработанные Военным советом, рассматривались на общем совещании и отправлялись на утверждение императору, но большинство текущих постановлений разрабатывалось в совещательных комитетах, состоявших из пяти членов совета.

На основании указа от 19 декабря 1837 г. прочее отраслевое управление, помимо военного, непосредственно не относящееся к гражданской части, но имевшее отношение к военной, также перешло в ведение Департамента, а указом от 20 июля 1840 г. и гражданская часть перешла в компетенцию Военного министерства. Атаманам казачьих войск по вопросам «внутренней полиции» предлагалось обращаться не в МВД России, а в Военное министерство по Департаменту военных поселений. Именным указом от 6 декабря 1840 г. к этому Департаменту переходило производство по делам раскольников в казачьих войсках, а также все ранее поступившие в МВД России дела о казаках, еще не завершенные производством [6].

С 1 января 1858 г. вместо Управления военных поселений в составе Военного министерства было учреждено Управление иррегулярных войск, которое находилось в подчинении Военного министра и в ведении Военного совета. Управление имело следующие отделения: инспекторское, по делам законодательным и хозяйственным, по частям межевой и судной. Общее присутствие Управления иррегулярных войск Военного министерства состояло из начальника управления, его помощника, представителя от Министерства, Государственного контроля. Еще пять членов представляли казачьи войска. Общее присутствие рассматривало законопроекты и хозяйственные дела казачьих войск [7].

Особую роль в организации работы полиции и в правовом обеспечении ее деятельности имело Министерство юстиции, например, после судебной реформы 1864 г., когда в системе управления государством исполнительная власть была отделена от судебной. В связи с введением

20 ноября 1864 г. Судебных уставов, в которых в разных частях были разбросаны правовые нормы и институты, касавшиеся производства полицейского дознания, Министерство юстиции разработало и отправило в казачьи войска Инструкцию «О порядке действий по исследованию преступлений» [8].

Одним из важнейших мероприятий стала реорганизация Военного министерства на основе положения от 1 января 1869 г., а в 1867 г. Управление иррегулярных войск получило статус Главного управления, где вместо упраздняемого «общего присутствия» создавался совещательный комитет для рассмотрения всех законодательных и совещательных вопросов, касавшихся военного и гражданского быта казачьих войск. Военный министр рассматривался как «главный начальник» всех казачьих войск по всем отраслям управления ими, в том числе по правоохранительной. Одновременно выросло значение Военного совета, на который (кроме законосовещательной и хозяйственной функции) возложили кодификацию «военных законов» [3, с. 221].

В 1879 г. Главное управление иррегулярных войск было переименовано в Главное управление казачьих войск. Это ведомство (как и прежде) разделялось на военную часть и гражданскую, включавшие несколько отделений. После образования в 1905 г. Государственной Думы законотворческие функции Военного совета в отношении гражданского устройства и полиции казачьих войск перешли к парламенту, хотя совет просуществовал до февраля 1917 г. Главное управление казачьих войск было упразднено 6 сентября 1910 г., но его функции частично перешли в ведение «казачьего отдела» Главного штаба, образованного 1 сентября 1910 г. Служебная переписка войсковых атаманов с Главным штабом производилась через «секретарскую часть», при получении документации по «гражданскому управлению» делопроизводители отправляли ее в Казачий отдел. При утверждении того или иного законопроекта сотрудники Казачьего отдела через «секретарскую часть» и начальника главного штаба представляли документацию на утверждение Военному министру.

В состав Главного штаба входило Управление дежурного генерала. Одно из подразделений последнего заведовало кадровой работой со списочным составом военных и гражданских чиновников военного ведомства, а чины полиции казачьих войск, не имевшие офицерских званий, числились гражданскими чиновниками Военного министерства. Наравне с казачьими офицерами, служившими в полиции, они по кадровой части состояли в ведомстве Управления дежурного генерала.

24 июля 1914 г. Совету Министров были представлены чрезвычайные полномочия: он получил право разрешать большинство дел самостоятельно от имени царя, утверждать «всеподданнейшие доклады», лишь некоторые особо важные записи в журнале Совета Министров подлежали личному утверждению императора. Законы военного времени открывали широкий простор для деятельности органов администрации, полиции, жандармерии и цензуры, облегчали и упрощали судопроизводство [3, с. 292].

Таким образом, органы полиции, функционировавшие в казачьих войсках Российской империи, в силу того, что комплектовались представителями казачьего сословия и охраняли правопорядок в его среде, прямо подчинялись не только МВД России, но и Военному министерству. Последнее (с 1840-х гг.) стало курировать все вопросы гражданского устройства казачьих войск, в том числе правоохранительную сферу, обойдя в этом Министерство внутренних дел. В начале XX столетия происходила балансировка властных полномочий между органами государственной власти, несвойственные функции у военного ведомства постепенно изымались, в том числе по причине того, что в империи не осталось регионов, имеющих моноказачье население. Однако естественное развитие управленческих полномочий органов государственной власти в отношении казачьих войск было нарушено в 1917 г. При исследовании истории полиции, функционировавшей в казачьих войсках Российской империи, следует учитывать и проследивать рассмотренную выше специфику.

Список литературы

1. *Отечественная история*. История России с древних времен до 1917 г. Энциклопедия. М., 1996. Т. II.
2. *ПСЗРИ*. Собр. 1. Т. XVIII. № 21.142. СПб., 1830.
3. *Ерошкин Н. П.* Крепостное самодержавие и его политические институты. М., 1981.
4. *ПСЗРИ*. Собр. 2. Т. X. № 8233. СПб., 1836.
5. *Энциклопедический словарь*. СПб., 1892. Т. VIa.
6. *ПСЗРИ*. Собр. 2. Т. XVI. № 14026. СПб., 1842.
7. *ПСЗРИ*. Собр. 2. Т. XXXII. № 32553, № 32554, № 32555. СПб., 1858.
8. *Государственный архив Ростовской области*. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1136. Л. 1-1об.

К. А. Нефедова

К вопросу о правовом стимулировании информирования о преступлениях

Правовой стимул — это правовая мера, регулирующая общественные отношения посредством побуждения субъекта этих отношений к определенному поведению за счет представления ему дополнительных возможностей и благ.

В. В. Глазырин правовые стимулы определяет как правовые нормы, предусматривающие разные меры социальных благ, направленных на удовлетворение интересов индивида и коллектива (в зависимости от выбора ими варианта поведения, в большей или меньшей степени отвечающего интересам государства, потребностям общества) [1, с. 20].

Из определения, данного выше, можно сделать вывод, что стимулирующее воздействие должно быть связано с добровольностью, свободой выбора поведения, личной заинтересованностью, служить интересам данного субъекта, а не интересам стороны, противостоящей ему в правоотношении.

При этом В. М. Ведяхин дает следующее определение правовым стимулам. Это правовые нормы, поощряющие развитие нужных для общества и государства в данный момент общественных отношений, нормы, стимулирующие как обычную, так и повышенную правомерную деятельность людей, ее результаты [2, с. 51].

К таким «полезным» для общества и государства отношениям логично отнести информирование органов государственной власти о фактах совершения преступлений.

По нашему мнению, для государства разумно проводить политику по повышению уровня вовлеченности граждан в процесс информирования и обеспечения должного уровня их активности. Социальная активность — залог прогресса, а прогресс — гарантия благополучия государства.

Мы солидарны с позицией российского законодателя в вопросе введения механизма правовых стимулов для информаторов. Отметим, что под правовыми стимулами мы понимаем лишь позитивные правовые средства (поощрения, награды, дополнительные денежные выплаты и т. д.).

Введение правовых поощрений должно быть связано с заслуженным поведением информатора и сопряжено с сугубо добровольным

поступком. Заметим, поощрительная норма содержит призыв совершить желательное для общества и государства действие, но не обязательное для каждого отдельного субъекта. Претендент на получение вознаграждения должен быть первоисточником информации высокого качества, которая привела к раскрытию преступления. Полагаем, что введение поощрений должно выступить действенным юридическим стимулом.

Примером может служить разработанный Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации проект закона «О защите лиц, сообщивших о коррупционных правонарушениях», где предлагается ввести систему вознаграждения за «честное слово». Одно из резонансных предложений касается государственной благодарности за информацию о коррупции. Осведомителю обещают премию в размере от 5 до 15% от размера предотвращенного ущерба, но не более трех миллионов рублей.

На наш взгляд, приведенная норма проекта закона вполне обоснована и логична. Однако законопроект требует доработки в вопросах, касающихся расчета премий, источников выплаты, а также вопроса, когда и как их выплачивать. Кроме того, должны быть четко определены органы, а впоследствии и должностные лица, которые будут обеспечивать применение мер такого стимулирования.

В Российской Федерации система вовлечения граждан в механизм добросовестного добровольного информирования органов власти о совершенных или совершаемых преступлениях должна развиваться и включать в себя поощрительные правовые средства, что в настоящее время не имеет должного научно-теоретического и правового обоснования. В связи с этим согласимся с П. А. Сорокиным, который писал: «В то время как наука о преступлении и наказании (уголовное право) выросла до громадных размеров и получила характер гипертрофический, наука о подвигах и наградах или, если угодно, наградное право, даже и не значится в числе научных дисциплин» [3, с. 77].

Список литературы

1. Глазырин В. В. Хозрасчет. Труд. Стимулы. М., 1989.
2. Ведяхин В. М. Правовые стимулы: понятия, виды // Правоведение. 1992. № 1.
3. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

Д. В. Орлов

Влияние традиций и ритуалов на воспитание сотрудников органов внутренних дел: историко-правовой аспект

На всем протяжении развития системы органов внутренних дел большое значение для воспитания сотрудника имела его морально-психологическая готовность к непростым условиям работы. В целях успешной, мотивированной работы сотрудников полиции (милиции) происходило формирование нормативных установок при приеме на службу, во время прохождения службы, в дальнейшем сформировавшихся как традиции, ритуалы, формы и методы воспитания.

Одной из давних традиций, возникших еще в царской России, была тесная взаимосвязь военной и правоохранительной службы. Со времен образования Древнерусского государства дружина исполняла ряд правоохранительных функций. Петр I, организовывая полицию в 1718 г., формировал ее только из военнослужащих. Похожее положение было закреплено и в нормативных актах Советского государства — предпочтение при приеме на службу будущих сотрудников отдавалось красноармейцам. В постсоветский период ситуация не изменилась: по-прежнему принимают на службу молодых людей, отслуживших в армии, исключения составляют лишь учебные заведения системы МВД, прием в которые стал возможен сразу после окончания школы.

Стоит упомянуть, что в целях укрепления дисциплины и мотивации Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 февраля 1943 г. вводятся специальные звания (подобно воинским званиям) в органах милиции. Кроме того, многие документы, регулировавшие военную службу, распространяли свое действие на сотрудников милиции, а позже и полиции, например, Устав внутренней службы Вооруженных Сил СССР 1975 г. или Строевой устав вооруженных сил Российской Федерации. В этих документах определены строевые приемы и движение без оружия и с оружием, порядок выполнения воинского приветствия, проведения строевого смотра и т. д.

На воспитание сотрудников российской полиции значительное влияние оказывали традиции советской милиции: преданность Родине, связь с народом, уважение к человеку, товарищество, совместное выполнение служебных задач.

Формы воспитания сотрудников органов внутренних дел на традициях разнообразны. Это изучение истории органов внутренних дел, как в рамках учебной дисциплины в образовательных учреждениях МВД,

так и в части проведения занятий по морально-психологической подготовке с сотрудниками ОВД, экскурсии по местам боевой славы, возложение венков к монументам и памятникам, просмотры видеофильмов с последующим обсуждением, празднование Дня сотрудника органов внутренних дел, встречи с ветеранами органов внутренних дел.

Помимо традиций, на развитие системы органов внутренних дел огромное влияние оказали ритуалы, строго регламентированные обычаями, а затем и правовыми актами: принятие Присяги, вручение наград, торжественное чествование отличившихся на службе, захоронение погибших при исполнении служебного долга, вручение табельного оружия или погон.

Немалое значение для деятельности сотрудников органов внутренних дел имеют символы. К символам, используемым в ритуалах, можно отнести государственную символику, мемориальные сооружения, исторические памятники, знамена МВД.

Воспитание сотрудника органов внутренних дел — это сложный многоступенчатый процесс. Во многом благодаря традициям и ритуалам военнослужащих и советской милиции полиция России является высокопрофессиональным правоохранительным органом.

М. Ю. Осипов

Правовой институт как основной элемент системы права

Одной из актуальных проблем, стоящих перед современной теорией права, является проблема структуризации системы права и определения ее главных элементов. Суть проблемы состоит в том, какой элемент системы права занимает в ней ведущее место, что является основой правового регулирования общественных отношений? От ответа на данный вопрос во многом зависит правильное построение системы права, будет ли обеспечена логически непротиворечивая теория системы права, что является важным показателем в условиях интенсификации правотворческой деятельности и сближения отраслей права друг с другом [1, с. 267–272]. Возникает вопрос: какой элемент системы права является основным, т. е. на каком элементе базируется вся основа построения системы права.

Многие авторы под этим элементом понимают правовую норму [1, с. 267]. Но могут ли нормы права выступать в качестве основного элемента системы права? По нашему мнению, они выступать в качестве

такого элемента не могут. Если норма права выступает в качестве основной единицы системы права и представляет собой истинное суждение, то она должна отражать в себе все элементы общественных отношений, входящих в предмет правового регулирования, т. е. определять:

а) какие общественные отношения должны быть урегулированы данной нормой права;

б) каков правовой статус субъектов данного общественного отношения;

в) каков круг объектов данного общественного отношения;

г) каковы субъективные права и юридические обязанности участников данного общественного отношения, каковы основания их возникновения, изменения или прекращения. Должна ли норма права определять, каковы основания и порядок применения санкций за нарушение / ненадлежащее исполнение правовой нормы?

Чтобы полностью урегулировать какое-либо общественное отношение, необходима не просто одна норма, а их система / совокупность связанных норм.

Такая система взаимодействующих и взаимосвязанных норм права, регулирующих однородные общественные отношения, именуется в юридической науке правовым институтом.

На основании всего изложенного мы можем сделать вывод, что не норма права, а именно институт права является основным элементом системы права, при помощи которого регулируются определенные общественные отношения. Следовательно, наряду с нормативистским подходом к изучению права должен использоваться и институциональный подход.

Список литературы

1. *Смирнов Д. А.* К вопросу о структуре нормы права (на примере норм трудового права) // Проблемы современной науки. 2011. № 1.

А. В. Парфенов

Компромисс в правотворчестве как инструмент оптимизации содержания системы права

Проблема правового компромисса в течение многих лет продолжает привлекать внимание как отечественных, так и зарубежных ученых-правоведов [1; 2]. В современной юриспруденции сформировалось два

основных подхода к правовому компромиссу. В рамках первого он выступает фундаментальной политико-правовой идеей и может рассматриваться в качестве одного из важнейших принципов права. Второй подход ориентирован на практическое использование компромисса в правовой сфере. В этом случае он является специфическим средством «техники решения конфликтных проблем» [3, с. 7].

«Практически ориентированный» подход в настоящее время получил наибольшее распространение. Он выступил методологической основой для проведения ряда самостоятельных исследований компромисса на уровне отдельных отраслей права [4–8]. Перед авторами стояли различные исследовательские задачи, они обращались к многочисленным сферам жизни общества. В суждениях большинства ученых-правоведов наблюдается определенное сходство, проявляющееся в стремлении рассматривать правовой компромисс в контексте правоприменительной деятельности. Данный феномен, как правило, связывается с отдельной конфликтной ситуацией и ее субъектами, усилия которых направлены на формирование некоего соглашения, базирующегося на взаимных уступках.

Полагаем, подобный подход имеет право на существование. Однако право субъекта на компромиссное поведение в рамках отдельной конфликтной ситуации является лишь одной из форм проявления правового компромисса. Она значима для участников отдельного конфликта. Для государства и общества важен компромисс в области правотворческой деятельности. Данная сторона правового компромисса обычно остается в тени, а заложенный в ней потенциал во многом невостребован как юридической наукой, так и практикой. Полагаем, именно указанный аспект требует повышенного внимания со стороны современных исследователей.

Усложнение системы общественных отношений сопровождается большей дифференциацией интересов субъектов. Это столкновение лежит в основе многочисленных конфликтов, которые выступают фактором, существенно тормозящим общественное развитие. Борьба с ними — важная задача государства. Не менее значимым направлением его деятельности выступает работа по профилактике и предотвращению конфликтов. В связи с этим правовой компромисс должен рассматриваться как феномен, который позволяет не только преодолеть конфликт, на что обращают внимание большинство ученых-правоведов, но и предупредить его. Условия для достижения подобной цели формируются благодаря правотворческой деятельности. Компромиссные на-

чала, заложенные в юридические нормы, способны существенно повысить качество системы права. Правовой компромисс проявляется в том, что законодатель, познав весь спектр основных интересов субъектов, формирует и закрепляет в праве такую модель их соотношения, которая обеспечивает баланс основных сил, сформировавшихся в обществе, что гарантирует устойчивость всей социальной системы, т. е. создаются условия для нормального функционирования и развития государства, общества и личности.

В этом смысле правовой компромисс может рассматриваться как отраженная в праве мера согласования противоречивых интересов, полученная в процессе правотворчества. Привнесение его в действующую систему права способствует как оптимизации ее содержания, так и восприятию права как явления, служащего интересам всего общества.

Список литературы

1. *Аликперов Х. Д.* Проблемы допустимости компромисса в борьбе с преступностью : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992. 36 с.
2. *Новікова М. М.* Юридичний компроміс як фактор оптимізації механізму правового регулювання : дис. ... канд. юрид. наук. Харків, 2007. 209 с.
3. *Скотт Д. Г.* Способы разрешения конфликтов. СПб., 1994.
4. *Кайшев А. В.* Уголовно-правовое значение компромиссов и поощрений : дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2005. 182 с.
5. *Кувалдина Ю. В.* Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2011. 284 с.
6. *Попова И. А.* Тактико-криминалистическое обеспечение компромиссных процедур в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 204 с.
7. *Ситникова О. В.* Компромисс как способ разрешения социально-трудовых конфликтов : дис. ... канд. социол. наук. М., 2011. 215 с.
8. *Янина Я. Ю.* Теоретические и практические аспекты применения компромиссов для разрешения конфликтов предварительного следствия : дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2007. 194 с.

Е. С. Полякова

Антикоррупционная политика современной России

В современной России часто стали говорить о коррупции и необходимости борьбы с ней. Коррупционные проявления в российском обществе приобрели массовый характер, а Российская Федерация по уровню коррупции вошла в число неблагополучных стран мира, что вызывает потребность дальнейшего совершенствования борьбы с этим явлением в обществе.

Проблема противодействия коррупции в России актуализировалась в 1991 г., когда начала действовать криминологическая ассоциация, имеющая свои отделения в субъектах РФ, а уже в 1992 г. Президент РФ издал Указ «О борьбе с коррупцией», где был определен ряд запретов, касающихся служащих (но не затрагивающих государственных должностных лиц), было предписано обязательное предоставление деклараций о доходах. Исполнялся данный указ слабо. Были разработаны десятки проектов по борьбе с коррупцией. В период с 1993 по 1998 гг. шло напряженное противостояние между Президентом РФ и Государственной Думой относительно принятия проекта закона «О борьбе с коррупцией», лишь в 2008 г. был принят Федеральный закон № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Потребовалось 17 лет постсоветской России для принятия данного нормативного акта. В 2010 г. Указом Президента Российской Федерации № 460 была утверждена Национальная стратегия противодействия коррупции, главная цель которой — искоренить причины и условия, порождающие коррупцию.

Последствия коррупции являются проблемой, вызывающей угрозу государственной и национальной безопасности России. По данным Генеральной прокуратуры РФ, масштабная коррупция стала одной из наиболее деструктивных сил Российского государства. В числе коррупционеров из правоохранительных органов 92% и более составляют работники органов внутренних дел, хотя в МВД в конце 1995 г. была создана служба собственной безопасности в виде внутренней инспекции, что доказывает необходимость дальнейшего совершенствования организации исполнения законодательных актов и управленческих решений в сфере противодействия коррупции. Именно это стало первоочередным в Национальном плане противодействия коррупции на 2016–2017 гг.

Важное внимание в исполнении Национальной стратегии противодействия коррупции уделяется антикоррупционной экспертизе норма-

тивных правовых актов и их проектов. Коррупционные проявления тесно связаны именно с правотворчеством и с реализацией нормативных актов.

В международном праве коррупция в высших эшелонах власти рассматривается как представляющая наибольшую опасность, наносящая особый вред стране. По сравнению с иными видами коррупции («бытовой» и «деловой»), «коррупция высшего уровня», т. е. политическая и финансовая, рассматривается как угроза экономическому развитию страны. О значительном внимании, уделяемом этическим проблемам, свидетельствует факт принятия ООН Международного кодекса поведения государственных должностных лиц. В современной России в качестве такого решения существует этический кодекс государственного служащего, действующий уже не один год во многих странах. Кодексы должны подкрепляться действенными механизмами, обеспечивающими соблюдение содержащихся в них норм, а также личным примером руководителей всех уровней. Не ограничиваться лозунгами, подобными лозунгу «Установить диктатуру закона», а инициировать результативную программу по обеспечению порядка, используя диктатуру воли, демонстрируя личный пример. Основой любого кодекса должна выступать идея общественного служения, общественной пользы.

Развитию коррупции способствует противоречивость законодательства Российской Федерации. Противоречия норм Гражданского кодекса Российской Федерации и Уголовного кодекса Российской Федерации имеют место в п. 3 ст. 575 ГК РФ, в которой подарки государственным служащим и служащим органов муниципальных образований на сумму, равную пяти минимальным размерам оплаты труда, не считают взяткой. Постановления Верховного Суда РФ по этому вопросу не устранили данное противоречие. Прикрываясь гуманизацией уголовной политики, в России отменили не только смертную казнь как меру наказания в том числе и коррупционеров, но и конфискацию имущества.

Законодатель, учитывая общественное мнение большинства россиян, обязан создать такие правовые условия, при которых за коррупцию будут привлекать всех виновных, невзирая на статус.

А. В. Попова

Понятие и структура гражданского общества в трудах мыслителей начала XX века

Понятие гражданского общества является слабо разработанным в доктринах правопонимания начала XX в. Данное обстоятельство можно объяснить конкретной социально-политической ситуацией рубежа XIX–XX вв., а также определенной традицией изучения данного института, сложившейся еще в либеральной научной мысли. Традиционно гражданское общество изучалось как основной элемент, необходимый для изменения общественного развития России, в трактовке которого можно выделить несколько направлений. Одно было связано с критикой теории народного суверенитета, в другом делался акцент на недостатках теории естественного права, которую определенные мыслители выдвигали в качестве основы для построения теории взаимоотношений общества, личности и государства.

Большинство авторов упоминали о российском обществе конца XIX в. как об «инертном, косном образовании», несущем на себе массу пороков, связанных с элементами словности, неразвитости гражданских чувств, являющемся носителем специфичной общественной психологии патерналистского типа, легко готового пожертвовать личной свободой взамен государственных гарантий стабильности и защищенности в их деспотическом (тоталитарном) варианте.

Одним из теоретических достижений неолиберальной юридической мысли начала XX в. стал вывод о необходимости правовой регламентации всех форм общественной организации в целях построения гражданского общества как основы правового государства. Некоторые теоретики права полагали необходимым изменить общественное сознание посредством внесения в положительное (государственное) законодательство основных институтов прав человека, что само по себе и по мысли неолибералов должно стать одним из средств реализации «кадетской» модели преобразования страны.

В работе, посвященной теории конституционного государства, В. М. Гессен затрагивает проблему гражданского общества как промежуточного элемента в системе отношений «государство — личность». Он отмечает, что длительное время в науке проблема взаимоотношений между индивидом и обществом рассматривалась исключительно как проблема взаимоотношений между индивидом и государством. Однако со второй половины XIX в. наука обратила внимание на то, что эти

отношения опосредованы рядом промежуточных образований, которые и стали предметом исследования. Политическая мысль замечает, что между индивидом и государством существует то, что мы называем обществом, что народ состоит из определенных общественных групп, построенных на том или ином объединяющем и разъединяющем конституционном начале. В. М. Гессен считает, что проблема положения индивида в обществе и государстве неизмеримо сложнее проблемы отношения индивида к государству. Этот аспект является вопросом об отношении индивида ко всевозможным общественным группам, разного рода общественных групп к государству.

В. М. Гессен отмечал, что исследователи, представляющие течение научного социализма, являются лучшими в вопросах изменения российского общества, указывая на отставание иных направлений отечественной общественной мысли. Критикуя односторонность критерия, избранного научным социализмом для разделения общества на различные сословия, В. М. Гессен признает значимость для современного общества его деления на экономически обособленные группы — классы. Главным расхождением социалистической и классической либеральной теории было то, что первая из выявленных социальных противоречий выводила необходимость захвата власти одной из социальных групп, а вторая, опираясь на общие основания теории народного суверенитета, выступала за надклассовый характер государственной власти.

В целом можно говорить о признании российской неолиберальной юридической мыслью и политической практикой понятия «гражданское общество» как неотъемлемого элемента правового государства. На практике это нашло выражение в ряде законопроектов, в той или иной мере направленных на ликвидацию тех правовых институтов, которые были призваны сохранять наиболее негативные пережитки сословной системы построения социальной структуры российского общества, а также в блоке законопроектов, предполагавших нормативное закрепление элементов новой общественной структуры, характерных для гражданского общества [1].

«Гражданское общество, на наш взгляд, — это не только совокупность элементов, даже не просто система (организованная во времени и общественно-политическом пространстве совокупность) взаимодействующих друг с другом и развивающихся (в том числе самоорганизующихся и организованных государством) элементов, но и часть государства в самом широком его смысле и часть системы общественно-политической организации государственной власти» [2].

Список литературы

1. *Попова А. В.* Проблемы институализации государства в российском неолиберализме в начале XX в. М., 2017.
2. *Грудцына Л. Ю.* Государство, народ и гражданское общество в России // Адвокат. 2011. № 6. С. 54–61.

В. В. Попова

К вопросу о позитивной юридической ответственности

Позитивная (перспективная) ответственность олицетворяет включенность субъекта в систему определенных социальных связей, которая требует активности, совершения общественно полезных действий, заботы о достижении оптимальных результатов предпринятого дела. Это ответственность за надлежащее выполнение своих трудовых обязанностей, за решение научных, производственных, социальных задач, за сохранение природной среды, за хорошее воспитание детей и т. д.

В основе позитивной юридической ответственности лежит социальная необходимость в правовом регулировании тех или иных видов положительных общественных отношений, выраженная законодателем в виде соответствующих этим потребностям регулятивных правовых норм, указывающих субъектам права образцы не только их возможного, но и должного поведения. Нельзя согласиться с мнением, что в нормах права выражена юридическая ответственность, что она является одним из элементов правового статуса субъектов права. Полагаем, как активные, так и пассивные юридические обязанности субъектов права не есть сама юридическая ответственность. Они лишь властно очерчивают субъекту права объективно допустимые границы необходимого, желательного или социально активного правомерного поведения в интересах общества и личности. А юридическая ответственность — это правовое свойство (качество) самого субъекта права, содержательно выраженное в знаниях им своих статусных правовых обязанностей, в умении распознавать момент их конкретного возникновения в процессе своей правовой жизни, в осмыслении их ценности для собственных и общественных интересов, в положительной эмоционально-чувственной оценке и в волевом воплощении их в своем правомерном поведении. Д. А. Липинский подчеркивает, что поощрение в праве является одним из ярких выражений добровольной формы реализации ответственности. Оно выступает в качестве

ее меры как определенного рычага, инструмента, побуждающего к социально активному правомерному поведению, а также как меры воздаяния за заслуги и достижение общественно полезного результата. Однако позитивную ответственность нельзя сводить только к применению поощрительных норм или к социально активному поведению. Это лишь определенные черты, грани реализации позитивной юридической ответственности [1, с. 26].

Список литературы

1. *Липинский Д. А.* Позитивная юридическая ответственность и поощрительные санкции: проблемы взаимосвязи // *Право и политика.* 2008. № 1.

Т. В. Решетнева

Краткий обзор принципов, применяемых Конституционным Судом Российской Федерации при разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией России постановлений Европейского Суда по правам человека

Достижением действующей Конституции Российской Федерации явилось предоставление лицам, находящимся под юрисдикцией России, права обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, в частности, в Европейский Суд по правам человека (далее — ЕСПЧ), окончательные постановления которого, принятые в отношении России, согласно п. 1 ст. 46 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., являются обязательными для всех органов государственной власти Российской Федерации. В настоящее время, реализуя новые полномочия, Конституционный Суд Российской Федерации признал невозможным исполнение в российской правовой системе постановлений Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 г. по делу «Анчугов и Гладков против России» и от 31 июля 2014 г. по делу «ОАО Нефтяная компания „ЮКОС“ против России». Принимая соответствующие решения, Конституционный Суд Российской Федерации руководствовался принципами:

1) признания вступившего в силу постановления Европейского Суда по правам человека частью правовой системы Российской Федерации;

2) реализации постановлений ЕСПЧ, основанных на интерпретации Конвенции о защите прав человека и основных свобод, с учетом принципа верховенства и высшей юридической силы Конституции Российской Федерации, так как указанная Конвенция обладает в российской правовой системе большей юридической силой, чем федеральный закон, но не равной и не большей, чем юридическая сила Конституции Российской Федерации;

3) правомерного компромисса, разумного баланса между европейским конвенционным и российским конституционным правом порядками, заключающихся в том, что:

а) принятое Конституционным Судом России решение должно отвечать букве и духу постановления ЕСПЧ, не вступать в противоречие с основами конституционного строя России и установленным Конституцией России правовым регулированием прав и свобод человека и гражданина;

б) границы разумного баланса очерчивает Конституция России;

4) учета Европейским Судом по правам человека «эволютивного» толкования норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней в контексте реального европейского консенсуса, который признается существующим, если установлено общее согласие большинства государств-участников Конвенции или относительное единообразие подходов к той или иной сфере правоприменения;

5) допустимого отказа от исполнения постановления ЕСПЧ, если Европейский Суд по правам человека, толкуя в процессе рассмотрения конкретного дела Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, нормам которой присуща высокая степень абстрактности, придал какому-либо используемому в ней понятию другое, чем его обычное, значение, либо осуществил толкование вопреки объекту и целям самой Конвенции, несовместимое с национальным конституционным правом порядком как выходящее за пределы обязательств, добровольно принятых на себя государством при ратификации Конвенции.

Представленные выше принципы применены Конституционным Судом Российской Федерации в их единстве и взаимосвязи.

М. Е. Слабухо

К вопросу о дифференциации юридической ответственности в отечественном праве

В современной отечественной юридической науке выделяются различные классификации юридической ответственности, однако предпочтительной остается дифференциация ответственности по отраслевому признаку — уголовная, административная, гражданская и т. п. В отдельных случаях юридическая ответственность подразделяется на сферы возникновения правовых отношений. Например, финансовая, бюджетная, таможенная, банковская, валютная и т. д. [1, с. 812; 2, с. 127]. Это обусловлено, на наш взгляд, современными тенденциями правового регулирования общественных отношений и приоритетами общественной жизни.

Именно указанный фактор стал определяющим и в отечественной юридической науке в дореволюционный период, что обусловило особенности дифференциации юридической ответственности. Вначале феномен юридической ответственности, зародившийся в недрах уголовного права, рассматривался в контексте дискуссии о сущности правонарушения и его последствий. М. Н. Капустин, указывая на связь воли с вменением и ответственностью, а последних — с правонарушением, разделял их на гражданские, уголовные и гражданско-уголовые. Г. Ф. Шершеневич в рамках общей теории права в качестве последствий правонарушения различал уголовную и гражданскую ответственность, при этом, изучая торговое право, не выделял в нем особую торговую ответственность, считая последнюю не отдельной отраслью права, а частью гражданского права.

В дальнейшем аспекты дифференциации юридической ответственности внутри гражданского и уголовного права разрабатывались в рамках отраслевых дисциплин, что наложило свой отпечаток на критерии классификаций. Превалирующим был критерий института права или вида правоотношений, являющийся следствием глубокой научной аналитики усложняющихся общественных отношений в условиях развития капитализма.

А. Л. Саатчиан делил гражданскую ответственность на подвиды: долевая ответственность, ответственность должностных лиц за причиненные убытки и др. В уголовно-правовой науке ярким примером является обособление от общей уголовной ответственности самостоятельного вида ответственности несовершеннолетних. Как считал Н. С. Таганцев,

ответственность для малолетних преступников должна иметь характер совершенно иной, нежели для взрослых, здесь и речи не может быть о каре или наказании, а только о воспитании и исправлении.

Таким образом, в отечественном праве сложилась определенная традиция дифференциации юридической ответственности, имеющая преемственный характер.

Список литературы

1. *Витрук И. В.* Общая теория юридической ответственности : монография. М., 2017.
2. *Хачатуров Р. Л., Липинский Д. А.* Общая теория юридической ответственности. М., 2007.

П. Е. Соборнов

Политические и правовые учения в России 1917 года: выбор пути развития страны

Укрепление российской государственности на современном этапе видится в преодолении кризиса политической самоидентичности, выразившегося в отсутствии объединяющей граждан идеологической и политической парадигмы, сплачивающей общество в единую систему. Особое значение в процессе разработки политико-правовой идеологии имеет опыт осмысления политических и правовых учений в революционной России марта — октября 1917 г.

В результате экономических и политических потрясений, вызванных участием России в Первой мировой войне, политическая система российской монархии и органов государственной власти, ориентированных на нее, себя дискредитировала. Представители региональной власти Временного правительства — губернские комиссары, сменившие на местах губернаторов, вынуждены были признавать, что применение статей дореволюционного российского законодательства противоречит в отдельных случаях новому порядку. В российском обществе возник невиданный интерес к учениям о государстве, политике и праве, что воспринималось многими в условиях новой и свободной России как возможная альтернатива социально-политическому развитию страны. В этих условиях перед профессиональной историко-правовой наукой вставали насущные задачи переосмысления представлений ученых и мыслителей прошлого о государстве, политике

и праве в рамках читаемого в университетах России курса «История общественной мысли». Анализ научной активности Б. А. Кистяковского, М. М. Винавера, С. Ф. Кечекьяна в историко-правовых журналах («Юридический вестник», «Вестник гражданского права») демонстрирует нам некоторое пренебрежение политическими и правовыми учениями. Ведь происходящие в стране перемены требовали от ученых решения таких проблем, как преемственность, формирование в России правового государства. Большой вклад в изучение политических и правовых учений внесли представители партийно-политической публицистики — Г. В. Плеханов, Б. Фроммет, А. Гизетти, В. М. Михайлов, Е. Н. Медынский, Н. А. Арсеньев. Данные авторы начинают обращаться к отечественному историческому опыту осмысления таких понятий, как «государство», «право» и «политика». Предметом познавательного интереса партийно-политических публицистов была политико-правовая концепция декабристов, петрашевцев, народовольцев. Все эти движения и их представления о государстве, политике и праве подвергались идеализации. А. Гизетти в работе «От декабристов до наших дней. 100 лет борьбы за свободу» так актуализировал необходимость изучения этих российских политико-правовых идей: «...надо бережно хранить священную искру борьбы за свободу и возрождение страны, пламенем которой горит сейчас наш лучший народный трибун — Александр Керенский» [1, с. 100].

Огромными тиражами в частных типографиях печатались сборники программ российских политических партий, закреплявших в общественном сознании идеалы «самодержавия народа», идеи представительной демократии и свободы, которая через призму оценки отечественного исторического опыта начинает восприниматься в качестве освобождения от национальной и религиозной дискриминации, цензуры. Стараниями партийно-политической публицистики идея народного верховенства, представительного правления и прямого избирательного права оказалась господствующей в общественном и научном сознании на протяжении многих месяцев 1917 г.

Другим важнейшим направлением политико-правовой мысли становилась идея всеобщего самоуправления и автономии, что выразилось в публикации серии политико-политических брошюр с изложением революционного учения Шарля Фурье и пропаганде кооперативного движения, основанного на русском общинном самоуправлении. В нем авторы научно-популярных брошюр и книг видели основу возрождения свободной России [2, с. 45].

По результатам анализа сочинений научной и публицистической мысли, появившихся в период русских революций 1917 г., можно сделать вывод, что в общественном сознании уже к осени 1917 г. (как видно из материалов воспоминаний современников) появился устойчивый запрос на идеи ниспровержения правового порядка насильственным путем [3, с. 36]. Опираясь на изучение материалов личных фондов ученых, общественных деятелей и преподавателей образовательных заведений, мы можем говорить о неподдельном интересе разных представителей российского общества к истории российских революционных движений и идей.

Список литературы

1. *Гизетти А.* От декабристов до наших дней. 100 лет борьбы за свободу. Пг., 1917.
2. *Медынский Е. Н.* Как вести беседы по политическим вопросам: методические указания, конспекты и списки литературы для лекторов, учителей и пр. М., 1917.
3. *Фроммет Б.* Революционное учение Ш. Фурье и кооперативная пропаганда. Пг., 1917.

М. А. Соломенникова

Соответствие международным стандартам как принцип правовой политики Российской Федерации

«Политика» в переводе с греческого означает «искусство управления государством» [1, с. 520].

Правовая политика играет особую роль, так как она лежит в основе всех видов политики и без нее невозможна их эффективная реализация.

Термин «правовая политика» встречается не только в трудах ученых-юристов, но и в нормативно-правовых актах, правоприменительных актах государственных органов, в названиях государственных органов и в средствах массовой информации.

Ученые-исследователи правовой политики едины во мнении, что правовая политика — это деятельность государственных органов в области права [2; 3]. Правовая политика строится на определенных принципах, одним из которых является принцип соответствия международным стандартам.

В связи с указанным принципом возникает вопрос: каким международным стандартам должна соответствовать правовая политика Рос-

сии, каково содержание этих международных стандартов. Прежде всего к международным стандартам правовой политики относятся общепризнанные принципы современного международного права характера *jus cogens*, которые нашли свое закрепление в ст. 2 Устава ООН, а также в универсальных международных договорах и международных актах рекомендательного характера. Проанализировать все международные нормы характера *jus cogens* в данных рамках невозможно, поэтому остановимся на принципе суверенного равенства (п. 1 ст. 2 Устава ООН).

Понятие «суверенное равенство» включает следующие положения (элементы):

- а) государства юридически равны;
- б) каждое государство пользуется правами, присущими полному суверенитету;
- в) каждое государство обязано уважать правосубъектность других государств;
- г) территориальная целостность и политическая независимость государства неприкосновенны;
- д) каждое государство имеет право свободно выбирать и развивать свои политические, социальные, экономические и культурные системы;
- е) каждое государство обязано выполнять полностью и добросовестно свои международные обязательства, жить в мире с другими государствами.

Каждый элемент в разной степени связан с правовой политикой и по-разному находит в ней свое отражение.

Рассмотрим один момент: как реализуется в правовой политике России элемент, в соответствии с которым каждое государство пользуется правами, присущими полному суверенитету.

Права, присущие суверенитету, нашли свое закрепление в положениях раздела первого главы первой Конституции Российской Федерации «Основы конституционного строя» в ст. 1, где Российская Федерация провозглашена демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления; в ст. 3 (ч. 1), в соответствии с которой носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ; в ст. 4 — суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию (ч. 1), Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации (ч. 2), Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории (ч. 3).

Согласно Федеральному закону от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации»¹, международные договоры Российской Федерации заключаются, выполняются и прекращаются в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, положениями самого договора, Конституцией Российской Федерации, настоящим Федеральным законом (п. 1 ст. 1). Поскольку суверенное равенство государств является когнитным принципом международного права, то при заключении, выполнении и прекращении международных договоров Россия, как и другие государства, исходит из прав, присущих ее суверенитету. Примером сказанного является намерение России не стать участником Римского статута Международного уголовного суда, который был подписан 13 сентября 2000 г.

Список литературы

1. *Егорова Т. В.* Словарь иностранных слов современного русского языка. М., 2012.
2. *Коробова А. П.* Правовая политика: понятие, формы реализации, приоритеты в современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. 27 с.
3. *Нерсесянц В. С.* Правовая политика Российской Федерации: основные направления и задачи. URL: <http://www.centrlaw.ru/publikacii/Nerses1/> (дата обращения: 24.04.2017).

Ж. З. Тасыбаева

К вопросу о природе депутатского мандата депутата представительного органа местного самоуправления

Правовой статус депутата органа местного самоуправления — это правовое положение депутата, определяемое совокупностью правовых норм, регулирующих общественные отношения, обусловленные политико-правовой природой мандата, его возникновением, прекращением и сроком действия, полномочиями, а также гарантиями, ответственностью и ограничениями в связи с осуществлением полномочий, принадлежащих депутату.

Депутат представительного органа муниципального образования обладает неприкосновенностью. Депутат не может быть привлечен к уголовной или административной ответственности.

¹ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В случае привлечения депутата к уголовной или административной ответственности, его задержания, ареста, обыска, допроса, совершения иных уголовно-процессуальных или административно-процессуальных действий, проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении депутата применяется особый порядок производства по уголовным или административным делам, установленный федеральными законами.

На депутата представительного органа муниципального образования также распространяется принцип индемнитета. Он не может быть привлечен к уголовной или административной ответственности за высказывание мнения или выражение позиции при голосовании в представительном органе муниципального образования.

Мандат депутата представительного органа муниципального образования можно охарактеризовать как императивный. Во-первых, согласно Закону города Москвы от 25 февраля 2004 г. № 9 «О статусе депутата муниципального Собрания внутригородского муниципального образования в городе Москве», депутат отчитывается перед избирателями непосредственно на встречах, а также информирует их о своей работе через средства массовой информации не реже одного раза в год. Регулярно (не реже одного раза в месяц) ведет прием избирателей. Во-вторых, согласно Решению Совета депутатов муниципального образования Новоспаского района Ульяновской области от 13 марта 2006 г. № 12/135 «О положении „О статусе депутата муниципального образования «Новоспаский район»», депутат Совета поддерживает связь с избирателями своего округа и принимает меры по обеспечению их прав, свобод и законных интересов, защиты их чести и достоинства. Рассматривает предложения, заявления и жалобы избирателей, способствует (в пределах своих полномочий) правильному и своевременному решению содержащихся в них вопросов, ведет регулярный прием граждан, изучает общественное мнение. Рассматривая вопрос о природе депутатского мандата депутата представительного органа местного самоуправления, можно сделать вывод, что требуется детальное регулирование на уровне муниципальных правовых актов статуса депутатского мандата.

П. В. Тепляшин

Английская пенитенциарная политика и тюремная реформа («Prison Safety and Reform» 2017–2020)

Обращение к английской пенитенциарной политике актуально в условиях неоднозначной оценки Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, а также начала апробации Концепции федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017–2025 годы)», в которых, в отличие от английской стратегии тюремного реформирования, акцент делается на гуманизацию условий отбывания наказаний и соблюдение международных стандартов обращения с осужденными. В английском Законе об уголовной юстиции 2003 г. провозглашаются идеи справедливого воздаяния преступнику, снижения и сдерживания преступности (в том числе путем устрашения), защиты общества от вреда, причиняемого преступлением, исправления и реабилитации преступника (как средство защиты общества), возмещения преступником вреда, причиненного потерпевшему. Наблюдается и определенный диссонанс между провозглашаемыми идеями и фактическим состоянием правоохранительной деятельности, тюремной безопасностью и эффективностью исправительного воздействия. Так, значительную популярность в Англии и Уэльсе приобретает изначально возникшая на фоне высокого роста тюремного населения в США политика снижения тюремного населения и минимизации исправительных учреждений, согласно которой идея устрашения неприемлема в условиях разряжения плотности содержания заключенных и роста удельного веса наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, что «направлено не только на усиление безопасности и психологического благополучия преступников, но и на повышение общественной безопасности» [1, р. 458].

Таким образом демонстрируется несостоятельность существующей пенитенциарной политики и ее расхождение с нормативными правовыми установлениями. Поэтому в английской тюремной политике наблюдается разрыв между провозглашаемыми и нормативно закрепляемыми идеями, а также между фактическим состоянием правовой пенальной действительности и неоднозначным общественным отношением к сфере исполнения уголовных наказаний.

Как результат, 18 мая 2016 г. на открытии очередной сессии британского парламента было принято решение о начале тюремной реформы. Основные пункты реформирования:

1) существенное расширение возможностей для заключенных получать образование, расширение возможности отбывать часть наказания вне тюрьмы;

2) принятие закона о реформе тюрем и судов;

3) предоставление руководству некоторых крупных тюрем значительной свободы в управлении исправительным учреждением (в части бюджетных освоений, регулирования вопросов посещения родственников и близких лиц, определения режима и порядка реабилитации заключенных);

4) закрытие старых пенитенциарных заведений и строительство новых, максимально приспособленных для привлечения заключенных к труду.

Стратегический анализ данной политики позволяет предположить, что тюремная реформа (с точки зрения заданных параметров) при таких отправных позициях, связанных со значительными ресурсными затратами и отсутствием детально проработанной и вразумительной концепции, рискует остаться нереализованной.

Список литературы

1. *Grant S. Constructing the durable penal agent: tracing the development of habitus within English probation officers and Scottish criminal justice social workers // British Journal of Criminology. 2016. № 56.*

Л. А. Терехова

Изменение структуры и компетенции судов гражданской юрисдикции

Одной из проблем развития российской правовой системы является изменение системы и компетенции судов гражданской юрисдикции. Изменения производятся глубокие и болезненные, а соразмерных причин таких изменений не выявлено. Необходимость изменений, как правило, обосновывается важностью обеспечения единства судебной практики, необходимостью соблюдения процессуальных сроков и высокой нагрузкой на судей.

Из структурных изменений следует выделить ликвидацию Высшего арбитражного суда и передачу его полномочий Верховному Суду РФ — единому органу, соединившему уголовную, гражданскую и административную юрисдикцию (ст. 4, ст. 19 ФКЗ «О судебной системе»).

В настоящее время в системе собственно арбитражных судов действуют арбитражные суды округов, арбитражные апелляционные суды и арбитражные суды первой инстанции в субъектах РФ — суды субъектов Российской Федерации. Кроме того, в этой системе появился специализированный арбитражный суд — Суд по интеллектуальным правам, представляющий собой автономное образование со своей компетенцией и собственной системой пересмотра решений, не совпадающей с общей.

Суд по интеллектуальным правам как специализированный суд рассматривает в пределах своей компетенции в качестве суда первой инстанции дела по спорам, связанным с защитой интеллектуальных прав (ст. 43.2; ч. 1 ст. 43.4 ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации»). В качестве суда кассационной инстанции (ч. 3 ст. 43.4) Суд по интеллектуальным правам рассматривает дела:

- 1) рассмотренные им же по первой инстанции (пересмотр осуществляется президиумом Суда);
- 2) о защите интеллектуальных прав, рассмотренные арбитражными судами субъектов Российской Федерации по первой инстанции, арбитражными апелляционными судами (осуществляется коллегиальным составом судей Суда).

Не все дела, связанные с защитой интеллектуальных прав, рассматриваются именно специализированным Судом. Для части из них, не охваченных перечнем ст. 43.4 ФКЗ «Об арбитражных судах в РФ», порядок остался прежним. Более того, часть близких по характеру споров (о защите исключительных прав на фильмы в Интернете и других сетях) производится в системе судов общей юрисдикции — Московским городским судом (ч. 3 ст. 26 ГПК РФ).

Федеральный закон № 68-ФЗ от 30 апреля 2010 г. «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» разрушил первоначальный замысел системы арбитражных судов, где каждое звено имеет свою исключительную компетенцию, а по первой инстанции дела рассматривают арбитражные суды первой инстанции в субъектах РФ: в соответствии с п. 3 ч. 3 ст. 3 ФЗ (ст. 34 АПК РФ и ст. 26 ФКЗ «Об арбитражных судах в РФ») арбитражные суды округов рассматривают в качестве суда первой инстанции заявления о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок.

Из приведенных законодательных новаций усматривается, на наш взгляд, усиление функции контроля из единого центра (Верховный

Суд РФ). Что касается заявленной цели обеспечения единства судебной практики, то на примере дел в сфере защиты интеллектуальных прав, рассматриваемых разными судами, в разных системах судов и при разном количестве инстанций, напротив, показательным выглядит как раз отрицательный итог.

Следующий значимый шаг в изменении компетенции судов — унификация норм ГПК РФ и АПК РФ об упрощенном и приказном производствах, внедрение в арбитражных судах приказного производства, а в судах общей юрисдикции — упрощенного. Это направление реформирования связано с решением вопроса о сроках судебного разбирательства. Широкое распространение различных «упрощений» в судопроизводстве имеет и отрицательный эффект: судьи привыкают работать по упрощенной процедуре и невольно воспроизводят ее и при рассмотрении обычных дел.

Значимым фактором для решения вопроса о нагрузке судей является и возвращение обязательного претензионного порядка (ч. 5 ст. 4 АПК РФ в редакции Федерального закона от 2 марта 2016 г. № 47-ФЗ) за исключением из него лишь немногих категорий дел. Экономические споры, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, могут быть переданы на разрешение арбитражного суда после соблюдения досудебного порядка урегулирования спора, если он установлен для них законом (ч. 5 ст. 4 АПК РФ).

Эту же задачу (снижение нагрузки судей) выполняет и введенный Федеральным законом № 435-ФЗ от 19 декабря 2016 г. институт отказа в принятии искового заявления в арбитражных судах (ст. 127.1 АПК РФ). Отметим, что популяризация таких альтернативных способов рассмотрения споров, как медиация (Федеральный закон № 193-ФЗ от 27 июля 2010 г. «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)») и арбитраж (Федеральный закон № 382-ФЗ от 29 декабря 2015 г. «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации») тоже приходится на исследуемый период.

Полагаем, что результативность нововведений еще предстоит оценить. Однако их основная часть учитывает в большей степени интересы и удобство самого судейского сообщества. К достижению главной задачи судопроизводства — защите нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов граждан и организаций — подобные нововведения имеют лишь косвенное отношение, а некоторые (например, обязательность именно приказного, а не искового производства для заявителя, дело которого отвечает признакам приказного производства) сомнительны.

В. А. Толстик

К вопросу о бюрократизации государственного управления

Слова «бюрократ», «бюрократизм», «бюрократизация» в общеупотребительной лексике и научной литературе, как правило, используются для отражения негативных процессов, имеющих место в системе как государственного, так и иного социального управления. Так, в Большом словаре иностранных слов «бюрократ» определяется как «чиновник, буквально выполняющий все руководящие предписания, формалист»; «бюрократизм» — «формальное ведение дел, канцелярщина, волокита»; «бюрократия» — «система управления обществом, при которой центры исполнительной власти независимы от воли членов общества»; «бюрократизация» — «процесс усиления формализма в административном аппарате». В Толковом словаре второе смысловое значение слова «бюрократизация» сформулировано как «процесс отчуждения, отрыва управленческого аппарата от потребностей общества и первоначально поставленных перед ним целей».

Действенная нейтрализация негативных процессов в системе государственного управления, обозначаемых термином «бюрократизация», предполагает получение адекватного представления о природе данного явления. В связи с этим необходимо выяснить, в чем ее сущность, чем она детерминируется и каким образом проявляется вовне.

Полагаем, что сущность бюрократизации покоится на эгоистических интересах аппарата управления и выражается в его стремлении удовлетворить свои потребности за счет и, как правило, в ущерб интересам общества. Везде, где имеет место бюрократия (управление), есть конфликт интересов субъекта управления (бюрократии) и объекта управления (общества).

Доминирование интересов бюрократии над интересами социума не следует рассматривать как чью-то злую волю. Это было бы утрированное и далекое от истины представление. Подобное доминирование носит закономерный характер. Аргументация закономерного характера бюрократизации государственного управления дана в статье «Закономерности эффективности государственного управления» [1, с. 70–88].

Внешне бюрократизация выражается в формализме, проявляющемся в превалировании формы над содержанием. Вполне очевидно, что сама по себе форма объективно необходима для целевой реализации содержания. Проблема в мере. Общая закономерность здесь такова:

чем больше степень отклонения от меры необходимой формы, тем ниже эффективность соответствующей деятельности. В данном случае речь идет как о недостатке, так и избытке формы. Доктринальное обоснование данной закономерности (применительно к социальному и в том числе государственному управлению) находит в двух законах: законе необходимого разнообразия и законе оптимального соотношения интра- и инфрафункций (т. е. внутренних и внешних функций). Учеными доказано, что с поправками на специфику той ли иной организации оптимальное соотношение между указанными функциями должно быть 30/70 [1, с. 79–84].

О бюрократизации (формализме) как о негативном явлении обоснованно говорить тогда, когда имеет место не недостаток, а избыток формы.

Как проявляется избыточность формы? Прежде всего, в увеличении штатной численности и росте документооборота. Эти процессы взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Первичное увеличение штатной численности приводит к увеличению документооборота. Любой чиновник должен быть в достаточной степени загружен работой. В противном случае встанет вопрос о необходимости сокращения штатов, а это противоречит интересам аппарата в целом.

Рост и усложнение документооборота (избыточные правовые процедуры, чрезмерно усложненные планы, программы, отчеты и т. п.) являются достаточным основанием для постановки вопроса о необходимости увеличения штатной численности, так как при существующих штатах выполнять возросший объем работы на должном уровне становится проблематично.

Указанные процессы влекут различные негативные последствия. Выделим наиболее существенные.

Во-первых, увеличение штатной численности аппарата управления требует больших расходов на его содержание. В масштабах государства это колоссальные и, как правило, ничем не обоснованные издержки.

Во-вторых, чрезмерное увеличение объемов формальной работы приводит к пропорциональному снижению качества общественно полезной работы: на нее не остается достаточного количества времени.

А. Кудрин сравнил систему государственного управления со старой скрипучей машиной с низкой скоростью. По его мнению, в настоящее время только 38% госслужащих занимаются своими непосредственными обязанностями. Все остальные заняты «тушением пожаров», т. е. выпол-

няют хаотичные поручения и занимаются решением срочных задач [2]. На наш взгляд, речь должна идти не о «непосредственных обязанностях» и «авральных ситуациях». Вопрос в том, что в различных организациях выполняются значительные объемы работы, в которых нет необходимости. И проблема здесь не только в том, что ненужная работа влечет колоссальные издержки. Она выступает серьезным препятствием для качественного выполнения общественно необходимой работы.

В-третьих, в процессе бюрократизации существенным образом меняются оценочные приоритеты. Определяющей становится не общественно полезная работа, а ее отражение в соответствующих документах.

Изложенное позволяет сделать вывод, что бюрократизация государственного управления выступает серьезным препятствием на пути нормального и прогрессивного развития России, с этой точки зрения обуславливается необходимость разработки надежных механизмов нейтрализации, сдерживания, противодействия закономерным процессам бюрократизации.

Список литературы

1. Толстик В. А. Закономерности эффективности государственного управления // Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника : сб. ст. по мат-лам Междунар. науч.-практ. конф. (Н. Новгород, 23–24 мая 2013 г.) : в 2 т. Н. Новгород, 2013. Т. 1.

2. Крупица В. В. Теоретико-методологические основы менеджмента персонала организации : монография. Н. Новгород, 2000. 243 с.

Г. И. Тюменцева

Молодежь как социальный капитал (региональный аспект)

Молодежь — наиболее динамичная социальная группа во всех обществах. Демографический прогноз на сокращение численности молодежи в структуре населения страны оправдывается. Если в 2014 г. в России проживало 34,5 млн молодых людей, что составляло 23,6% населения страны [1, с. 67], то в 2016 г. — 31,4 млн — 21,4% [2]. С 2010 по 2014 гг. численность молодежи России сократилось на 3 млн. Такое же сокращение произошло за последующие два года. Эти процессы происходят и в регионах страны, в частности, в Омской области в 2014 г. доля молодежи в структуре населения составляла 24,6%, а в 2016 г. уже 22,4%.

Происходит дальнейшее «старение» молодежи, так как люди возраста 20–24 лет родились при наиболее низком суммарном коэффициенте рождаемости 90-х гг. XX в. (1,1–1,3) [2, с. 56]. Эти и другие данные послужили информационным поводом для актуализации темы государственной молодежной политики, способной решить или смягчить имеющиеся проблемы.

В рамках реализации государственной молодежной политики в Омской области делается много [3, с. 166–170]. В июне 2016 г. регион вошел в десятку лучших по эффективности этой работы и занял 7-е место.

Однако по-прежнему сильны миграционные настроения омичей и молодежи в первую очередь. В 2016 г. город покинуло в 3 раза больше омичей, чем в 2015 г., причем 70% из них — молодежь. Есть серьезная проблема, но важно, что есть и ее осознание.

По заказу Правительства Омской области Центр социального проектирования «Платформа» при ВЦИОМе с мая по ноябрь 2016 г. проводил исследование на основе семидесяти интервью. Сегментами выборки стали госслужащие, представители бизнеса, общественных организаций, ученые.

Эксперты высоко оценили человеческий потенциал Омска. Жители Омска образованны, они хотят жить лучше и двигаться дальше, чтобы город предоставлял им больше возможностей. Однако есть существенное различие между тем, как воспринимается Омск в целом, и как омичи воспринимают себя.

Фактор восприятия города как «брошенного» существенным образом воздействует на социальное самочувствие омичей, особенно молодых. Омское общественное сознание интенсивно сосредоточено на проблемах и испытывает острый дефицит позитивных новостей в отношении развития города. Отмечая довольно высокий уровень социального дискомфорта у омичей, социологи считают необходимым развитие человеческого капитала, понимаемого в широком смысле как совокупность возможностей образовательного, культурного, спортивного потенциала города, а также условий для жизни и социальных связей между людьми.

Юбилей Омска, масштабный ремонт дорог, благоустройство парков и скверов у многих жителей изменили отношение к городу, но в корне ситуацию переломить пока не удалось. Какие реальные проблемы вызывают у омичей пессимизм, как с этим бороться, каково будущее Омска и омичей? Есть несколько сценариев развития:

— консервативный — сохранение «поддерживающей модели» образования, человеческий капитал является вторичным по отношению к индустриальному развитию города;

— индустриально-модернизационный — развитие новых образовательных направлений, превращение Омска в новый центр современных производственных компетенций;

— перепрофилированный — превращение Омска в многопрофильный центр науки и культуры.

Потребность в смене знака в коммуникации между обществом, бизнесом и властью может быть удовлетворена. В Омске существует, хоть и небольшая, но активная часть городского сообщества, ориентированная на то, чтобы развивать город, улучшать среду и способствовать развитию человеческого капитала.

Активный омич — человек, связывающий свое будущее с Омском и готовый действовать ради наступления этого будущего. Активный омич — это молодой омич, который может стать ресурсом позитивных социальных изменений в городе. По данным социологического исследования «Социальная столица: мнение региона», 78% молодежи поддерживает проект «Омск — социальная столица России», идею превращения Омска в социально ориентированный город, т. е. город, в котором комфортно жить.

Список литературы

1. Ростовская Т. К., Рязанцев С. В. Социально-демографические характеристики российской молодежи // Государственный советник. 2015. Вып. № 2(10).

2. Ховрин А. Ю. Решение демографической проблемы: социальное партнерство молодежи, власти, общества // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 2.

3. Тюменцева Г. И. Государственная молодежная политика в современной России (региональный аспект) // Право и политика: история и современность : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (20 ноября 2015 г.). Омск, 2016.

С. В. Ханин

Актуальные проблемы взаимодействия полиции и населения

Исторический опыт деятельности органов внутренних дел свидетельствует, что ее эффективность обусловлена качеством интеграции с обществом, уровнем поддержки и доверия со стороны общества, готовности к дальнейшему совершенствованию взаимодействия с широкими слоями населения и институтами гражданского общества.

Формирование партнерской модели взаимоотношений между полицией и населением требует постоянного совершенствования методов, форм и средств, используемых во взаимодействии с обществом.

Проблема взаимодействия полиции и общества, его содержание не может не волновать ученых, практические органы, которые принимают активное участие в мониторингах общественного мнения, изучают механизмы организации формирующихся партнерских отношений полиции и общества, выстраивают перспективные планы и механизмы совершенствования диалога между участниками взаимодействия, добиваясь его результативности.

Опыт проведения масштабного общественного обсуждения в отношении проекта Федерального закона «О полиции», в качестве площадки для проведения которого была использована информационно-телекоммуникационная сеть Интернет, вызвал не только широкий общественный интерес (более 1,5 млн человек посетили сайт за период обсуждения и оставили 20 915 комментариев), но и способствовал созданию социальной основы нового уровня взаимодействия, именуемого как партнерство между сотрудниками создаваемой полиции и обществом. Данный опыт не был использован при подготовке к принятию в 2014 г. ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка», свидетельствовавший о возвращении на федеральном уровне к нормативному регулированию деятельности населения, общественных организаций и объединений в обеспечении правопорядка.

Мониторинг процесса принятия Федерального закона «Об участии граждан в охране общественного порядка», анализ его положений свидетельствуют о существующих противоречиях, не способствующих повышению качества взаимодействия полиции и населения. Так, в Законе слабо обозначен правовой статус общественных объединений по обеспечению безопасности и правопорядка, не закреплён юридический механизм реализации гражданами полномочий, отсутствует правовая

регламентация и описание полномочий в сфере безопасности и правопорядка, а также не определены роль и место муниципальных органов в организации охраны общественного порядка.

Сохранение жестко централизованной федеральной модели построения полиции (как это определено в ФЗ «О полиции») не только создает предпосылки к закрытости полиции от общественности, к дистанционированию от населения, но и определяет необходимость поиска в реализации решения проблемы разграничения полномочий федерального центра, субъектов РФ и муниципалитетов в обеспечении правопорядка и безопасности.

Внесенный в Государственную Думу законопроект о необходимости изменений действующего Закона «О полиции» вызвал большой резонанс в обществе. В этом документе предлагалось значительно расширить полномочия полицейских, в частности, в применении оружия. В случае принятия обозначенных в новом законопроекте изменений права простых граждан могут пострадать, а сами полицейские получат широкие полномочия для применения спецсредств и физической силы. Поэтому, по мнению правозащитников, такие положения станут признаком отхода законодательной системы от принципов правового государства.

Создание трехуровневой системы (федеральный, региональный и местный компоненты) [1, с. 55] будет способствовать повышению ответственности региональных и местных органов власти за состояние организации взаимодействия полиции и населения на местах.

Совершенствование взаимодействия сотрудников полиции и населения в современных условиях свидетельствует о необходимости дальнейшей последовательной модернизации органов внутренних дел до уровня, определяющего не доминирование над обществом, а служение ему. Пока будет сохраняться явная динамика к ужесточению государственного контроля и активизации государственного принуждения практически во всех сферах общественной жизнедеятельности [2, с. 9], партнерская модель останется лишь декларацией в нормативно-правовых документах.

Список литературы

1. Аврутин Ю. Е. К полиции с «человеческим лицом»? (политико-правовое измерение проблем реформирования МВД России) // Полиция России: вчера, сегодня, завтра : сб. науч. тр. по мат-лам междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. / под общ. ред. А. Н. Конева. Н. Новгород, 2012. Т. 1.

2. Ромашов Р. А. Правоохранительная система как структурно-функциональный элемент механизма государства // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции) : мат-лы междунар. науч.-теорет. конф. Санкт-Петербург, 28 апреля 2016 г. : в 2 т. / под ред. Н. С. Нижник. СПб., 2016. Т. I.

А. В. Червяковский

Закон Кыргызской Республики «О нормативных правовых актах Кыргызской Республики» и проект федерального закона «О нормативных правовых актах» об официальном опубликовании и вступлении в силу нормативных правовых актов

Закон Кыргызской Республики от 20 июля 2009 г. № 241 «О нормативных правовых актах Кыргызской Республики» (далее — Закон Кыргызской Республики) состоит из 6 глав и 37 статей. Порядок официального опубликования и вступления в силу правовых актов регламентируется двумя статьями данного Закона.

Проект федерального закона «О нормативных правовых актах» (далее — проект федерального закона) подготовлен Минюстом России, но не был внесен в Государственную Думу Федерального Собрания РФ. Текст по состоянию на 26 декабря 2014 г. размещен в справочно-правовой системе «КонсультантПлюс». Проект федерального закона состоит из 16 глав и содержит 65 статей. Вопросам официального опубликования и вступления в силу правовых актов в проекте посвящена глава 9, которая состоит из 9 статей.

Статья 40 проекта федерального закона, регламентирующая порядок официального опубликования правовых актов, носит бланкетный характер. Не указываются источники официального опубликования и в Законе Кыргызской Республики. В проекте федерального закона четко закрепляются сроки опубликования нормативных правовых актов. Отдельная статья проекта посвящена опубликованию нормативных правовых актов, содержащих неточности.

В Законе Кыргызской Республики официальное опубликование нормативных правовых актов рассматривается как обязательное условие их вступления в силу (ст. 30). Статья 29 допускает официальное опубликование нормативных правовых актов в неполном изложении (для

правовых актов, содержащих государственную и / или военную тайну). В проекте федерального закона указывается, что нормативные правовые акты подлежат официальному опубликованию (обнародованию) в части, не содержащей сведения, составляющие государственную или иную тайну, охраняемую федеральным законом.

Закон Кыргызской Республики устанавливает сроки вступления в силу после официального опубликования актов, если в самих актах не предусмотрен иной срок, для законов — по истечении десяти дней со дня официального опубликования, для иных нормативных правовых актов — по истечении пятнадцати дней со дня официального опубликования. Законом Кыргызской Республики вступление в силу нормативных правовых актов, регулирующих предпринимательскую деятельность, ранее пятнадцати дней со дня официального опубликования не допускается.

Проект федерального закона закрепляет положение, согласно которому нормативные правовые акты вступают в силу со дня официального опубликования, если иное не установлено нормативными правовыми актами. Нормативные правовые акты, затрагивающие права и свободы человека и гражданина, вступают в силу не ранее десяти дней со дня официального опубликования, если иное не установлено нормативными правовыми актами. Полагаем, более предпочтительными являются положения Закона Кыргызской Республики, предусматривающие установление специального срока между официальным опубликованием и вступлением в силу, который является необходимым для ознакомления заинтересованных лиц с текстами правовых актов.

Отметим, что Закон Кыргызской Республики по нормативным правовым актам, возлагающим новые обязанности на граждан и юридических лиц, устанавливающим или усиливающим ответственность, обязывает государственные органы (должностных лиц) проводить информационно-разъяснительную работу. Подобных обязанностей в тексте проекта федерального закона не содержится.

А. А. Юрицин

Проблемы социологического подхода к пониманию правоотношений

Основу так называемого социологического подхода к пониманию правоотношений заложили такие ученые, как Р. О. Халфина, Л. А. Морозова, А. Ф. Черданцев, Н. И. Матузов, А. В. Малько, В. В. Лазарев. Соглас-

но их взглядам, правоотношение — общественное отношение, урегулированное правом [1, с. 51]. Оно представляет собой результат действия правовой нормы, т. е. реализацию фактического отношения в соответствии с предписаниями нормы права.

Общественные отношения неизбежно проходят через сознание людей не просто как идеологические, но и осознаются ими вне зависимости от их воли. Приобретая правовую форму, базисное отношение не становится надстроечным, так как правоотношение выступает в качестве единства правовой формы и экономического содержания, а также является единственной возможной формой связи между базисным и надстроечным отношением.

На наш взгляд, социологическая теория правоотношений основывается на противопоставлении и детерминации экономических и идеологических отношений в классово неоднородном обществе. Хотя обратное влияние надстроечных отношений на базис является в какой-то мере оправданным, ведь в советский период государство и право, напротив, оказывали решающее воздействие на формирование коммунистического способа производства. Кроме того, очевидная искусственность «базисных» коммунистических отношений свидетельствует об их надстроечном характере [2, с. 128–139]. Социологическая концепция правоотношений, основанная на противопоставлении общественных и правовых отношений, является противоречивой и имеет существенные недостатки.

Список литературы

1. *Халфина Р. О.* Общее учение о правоотношении. М., 1974.
2. *Иванов Р. Л.* Учение о государстве и праве социалистического исторического типа в отечественной юриспруденции // Вестник Омского университета. 1999. № 4.

А. Н. Язов

Понятие «народ» в контексте идеи народного суверенитета: взгляд российских либеральных правоведов второй половины XIX — начала XX века

В отечественной юридической науке второй половины XIX в. понятие «народ» рассматривается как с этнографической, так и с юридической стороны. С точки зрения этнографии, на что особое внимание

обращают Б. Н. Чичерин и В. М. Гессен, народ отождествляется с народностью, нацией и понимается как собрание лиц, связанных общим происхождением и духовной жизнью. Согласимся с Б. Н. Чичериным, что подобное понимание народа не имеет отношения ни к идее народного суверенитета, ни к проблеме носителя верховной власти в государстве. Объясняется это тем, что какая-либо нация может совместно с другой составлять единое государство, входить в состав нескольких государств, вообще не иметь государства. Аналогичной позиции придерживался В. М. Гессен, считая, что нация не может быть сувереном в государстве.

Для уяснения идеи народного суверенитета имеет значение установление юридического содержания понятия «народ». В отечественном государствоведении по данному вопросу были сформулированы две позиции. Сторонники первой, к которым можно отнести Н. М. Коркунова и Н. И. Лазаревского, рассматривали государство как правоотношение, они считали, что под народом следует понимать всю совокупность его граждан, т. е. население (за исключением иностранцев). В данном случае субъектом государственного правоотношения выступает народонаселение государства, объектом является государственная власть, а его содержание составляют права участия во власти и обязанность повиновения государственному принуждению. В этом смысле народ понимается как единое юридическое целое, тождественное государству.

В соответствии со вторым подходом, который разрабатывали Б. Н. Чичерин [1, с. 92–98], С. А. Котляревский, П. И. Новгородцев, государство рассматривается как юридическое лицо, а под народом понимается совокупность политически право- и дееспособных граждан. В этом смысле народ предстает в качестве элемента государства, роль которого заключается в избрании представительных органов власти и в непосредственном участии в законодательной деятельности.

Дискуссионны, на наш взгляд, рассуждения Ф. Ф. Кокошкина. Правовед, рассматривая обе точки зрения на определение юридического содержания понятия «народ», приходит к двум выводам. Поскольку народ рассматривается как организованное в государство территориально обособленное население, то согласно первому выводу самостоятельное существование теории народного суверенитета признается несостоятельным ввиду ее тождественности теории государственного суверенитета. Второй вывод состоит в ошибочности теории народного суверенитета по причине приписывания суверенитета народу как одному из элементов государства.

Таким образом, народ как суверен в либеральной правовой науке понимается в широком и узком смысле. В широком смысле народ представляет собой совокупность всех граждан отдельного государства. В узком — единство политически активных граждан.

Список литературы

1. *Грязнова Т. Е.* Категория «народ» в свете теории демократии Б. Н. Чичерина // Международные юридические чтения : мат-лы науч.-практ. конф. Омск, 2004. Ч. I.

Т. Ф. Ящук

Эволюция политики России в сфере высшего образования в новейшее время

К началу новейшего времени, переход к которому связывают с глубокими кризисными явлениями в общественных отношениях и противоречиями между государствами, приведшими к Первой мировой войне и революции, в России сложилась развитая система высшего образования. Ее наличие стало результатом проводимой в Российской империи целенаправленной политики, которая характеризовалась следующими чертами:

1. Осуществлялось системное нормативно-правовое регулирование высшего образования, подтверждением чего служит регулярное издание и обновление Общих университетских уставов.

2. Реализовывался комплексный подход в организации, распределении и взаимодействии образовательных учреждений различного статуса. Территория государства делилась на университетские округа, которые возглавляли назначаемые Министерством просвещения попечители. Университет выступал научным, образовательным, методическим центром округа. Выпускники гимназий зачислялись в университет без каких-либо вступительных испытаний.

3. Общим трендом выступало постоянное, хотя и медленное, расширение сети высших учебных заведений разного типа: университетов, специализированных институтов (технологических, горных и т. д.), государственных вузов и так называемой вольной высшей школы.

4. При сохранявшемся ограниченном наборе факультетов (в большинстве университетов работали только медицинский и юридический факультеты) перечень специальностей неуклонно расширялся, реагируя на запросы общественного и экономического развития.

В послереволюционный период произошла резкая смена образовательной политики, при этом оставалось жесткое государственное регулирование высшей школы. Как и в Российской империи, действовал специальный центральный орган, функцией которого являлось руководство высшими учебными заведениями. Полностью упразднялся частный сегмент высшего образования. Уже в первые годы Советского государства сформировалась модель образовательной политики, которая при последующей трансформации сохранилась до начала 1990-х гг.:

1. Признание высшего образования исключительно делом государства.

2. Допущение университетской автономии государством при закреплении своих руководящих позиций в образовательной сфере.

3. Продолжительное отсутствие системного нормативно-правового обеспечения. Только в 1973 г. были утверждены Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании, на базе которых принимались уже российские законы.

4. Демократизация студенческого состава. Установление правил приема, которые предусматривали льготы для отдельных категорий лиц в зависимости от социального происхождения, трудового стажа, особых школьных достижений и т. д.

5. Неуклонный рост количественных показателей советской высшей школы: открытие новых вузов, их относительно равномерное распределение по территории страны, увеличение численности студентов, преподавателей, научных работников.

6. Определение приоритетных направлений хозяйственного и социального развития, выстраивание в соответствии с ними отраслей профессиональной подготовки.

Открывались технические, сельскохозяйственные, медицинские, педагогические вузы, куда вкладывались основные средства. Экономическому, юридическому, гуманитарному образованию отводились второстепенные позиции.

Достоинства и недостатки советского периода высшего образования повлияли на содержание современной образовательной политики и законодательства:

1. Олицетворение социальной значимости сферы образования — принятие в числе первых актов российской власти федеральных законов: в 1992 г. «Об образовании», в 1996 г. «О высшем и послевузовском профессиональном образовании».

2. Государственный контроль и надзор за высшим образованием. Теперь он обеспечивался через новые институты: лицензирование, аккредитацию, установление образовательных стандартов. Одновременно расширилась самостоятельность вузов в решении многих вопросов.

3. Негосударственный сектор высшего образования, разнообразие источников финансирования вузов.

4. Ориентация на вхождение России в мировое образовательное пространство, что подтверждалось закреплением в законодательстве уровневой системы высшего образования, введением зачетных единиц, поддержкой академической мобильности.

5. Отход от структуры профессиональной подготовки, сложившейся в советский период.

Многие законодательно закрепленные новации критически оцениваются вузовскими преподавателями, академической общественностью, заинтересованными гражданами. Остается немало противников вхождения России в Болонский процесс, внедрения ЕГЭ, коммерциализации образования, условий финансирования высшей школы, чрезмерной бюрократизации внутривузовских отношений и других действий. Наиболее негативно воспринимается так называемая дорожная карта, утвержденный Правительством РФ 30 декабря 2012 г. план мероприятий «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки». Ориентированный на выстраивание рационально организованной и оптимизированной модели высшего образования план в ходе реализации сопровождается высокими социальными издержками, что неизбежно вызывает его отторжение.

На всех этапах развития отечественного высшего образования политика и законодательство основывались на признании высокой социальной значимости образовательной сферы, на необходимости сохранения ее в сфере активного государственного воздействия.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамова Марианна Григорьевна — кандидат исторических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой государственной политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Алафьев Михаил Константинович — кандидат исторических наук, доцент, доцент цикла ГО и ЧС Омского государственного университета путей сообщения.

Амиров Рустем Загирович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Андреева Ирина Анатольевна — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России.

Ануфриева Анна Вячеславовна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и муниципального права Омской юридической академии.

Баранова Марина Владимировна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России.

Бекряшев Андрей Клавдиевич — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и финансового права Омской академии МВД России.

Белинская Мария Петровна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России.

Бучакова Марина Александровна — доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного и международного права Омской академии МВД России.

Быков Александр Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России.

Быкова Анастасия Геннадьевна — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Омской юридической академии.

Варенцова Лариса Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России.

Васильев Павел Вячеславович — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России.

Вишневецкий Кирилл Валерьевич — доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России.

Воропанов Виталий Александрович — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Грязнова Татьяна Евгеньевна — доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России.

Дизер Олег Александрович — кандидат юридических наук, доцент, докторант адъюнктуры Омской академии МВД России.

Дорофеев Андрей Владимирович — старший преподаватель кафедры конституционного и муниципального права Омской юридической академии.

Евсенок Тимур Петрович — доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Института права, социального управления и безопасности Удмуртского государственного университета.

Евсикова Елена Витальевна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД Крымского филиала Краснодарского университета МВД России.

Ерыгина Виктория Ивановна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Желдыбина Татьяна Анатольевна — кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры истории государства и права Саратовской государственной юридической академии.

Зайцева Екатерина Сергеевна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России.

Иванов Алексей Алексеевич — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры истории государства и права Московского университета МВД России.

Ишкаев Марат Равильевич — соискатель кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

Киселев Сергей Сергеевич — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России.

Кожевина Марина Анатольевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории и финансового права Омской академии МВД России.

Кузьмин Игорь Александрович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Иркутского юридического института Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Купцова Ольга Борисовна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России.

Липич Оксана Николаевна — кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского права и процесса Забайкальского института предпринимательства — филиала ЧОУ ВО Центросоюза РФ «Сибирского университета потребительской кооперации».

Лушин Александр Николаевич — кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России.

Матиенко Татьяна Львовна — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры истории государства и права Московского университета МВД России.

Москаленко Глеб Евгеньевич — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России.

Небрятенко Геннадий Геннадьевич — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Ростовского юридического института МВД России.

Нефедова Ксения Александровна — адъюнкт адъюнктуры Нижегородской академии МВД России.

Орлов Дмитрий Викторович — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России.

Осипов Михаил Юрьевич — кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Автономной некоммерческой организации высше-

го образования Института законовещения и управления всероссийской полицейской ассоциации.

Парфенов Александр Вячеславович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России.

Полякова Екатерина Сергеевна — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры социально-правовых дисциплин Приволжского института повышения квалификации ФНС России.

Попова Анна Владиславовна — доктор юридических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры конституционного права Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Попова Виктория Викторовна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Пермского института ФСИН России.

Решетнева Татьяна Васильевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Института права, социального управления и безопасности Удмуртского государственного университета.

Слабухо Михаил Евгеньевич — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России.

Соборнов Павел Евгеньевич — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России.

Соломенникова Марина Агафоновна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права Института права, социального управления и безопасности Удмуртского государственного университета.

Тасыбаева Жибек Зийнилхабиденовна — юрисконсульт высшей категории юридического отдела Омского центра технической инвентаризации и землеустройства.

Тепляшин Павел Владимирович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России.

Терехова Лидия Александровна — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и арбитражного процесса Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

Толстик Владимир Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России.

Тюменцева Галина Ивановна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Омской юридической академии.

Ханин Сергей Владимирович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России.

Широкова Маргарита Сергеевна — студент 4 курса Омской юридической академии.

Червяковский Александр Владимирович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России.

Юрицин Александр Андреевич — аспирант кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

Язов Александр Николаевич — преподаватель кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России.

Ящук Татьяна Федоровна — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

СОДЕРЖАНИЕ

Абрамова М. Г. Парламентский контроль и политическая коммуникация: pro et contra.	3
Алафьев М. К. Некоторые проекты реформирования внутренней стражи сельской полиции во второй половине XIX века.	5
Амиров Р. З. Военно-административное управление среднеазиатскими территориями Российской империи: историко-правовые аспекты	7
Андреева И. А. О понятии «полицейское государство»	9
Ануфриева А. В., Широкова М. С. Проблемы правового регулирования оказания медицинской помощи осужденным к лишению свободы	12
Баранова М. В. Теория государства и права в новой реальности.	13
Бекряшев А. К. Уголовно-правовые ограничения: взгляд через призму экономического анализа	16
Белинская М. П. Деятельность полиции в системе казенных подрядов в Российской империи на рубеже XIX–XX века	17
Бучакова М. А. Международно-правовое регулирование охраны окружающей среды.	19
Быкова А. Г., Быков А. В. Голосование по отзыву депутата, выборного должностного лица местного самоуправления как форма непосредственного решения вопросов местного значения населением	21
Варенцова Л. Ю. Приказ тайных дел (1654/1655–1676) в дореволюционной российской историографии.	22
Васильев П. В. О юридических критериях применимости автоматических санкций в сфере публичного управления	24
Вишневецкий К. В. Происхождение и доктрина виктимологии.	26
Воропанов В. А. Подбор и расстановка судебных кадров в Тобольской и Томской губерниях в первой четверти XIX века.	29
Грязнова Т. Е., Бучакова М. А. Принцип разделения властей в творчестве Б. Н. Чичерина: история и современность	32
Дизер О. А. О совершенствовании деятельности органов публичной власти в области противодействия бродяжничеству и попрошайничеству	34

Дорофеев А. В. Многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг: особенности статуса	36
Евсеенко Т. П. Испанская «держава» Квинта Сертория как разновидность античного сложного государства.	38
Евсикова Е. В. Проблемы развития правовой системы Российской Федерации в условиях «постинформационного общества»	41
Ерыгина В. И. Идеи А. И. Кошелева о народном представительстве.	43
Желдыбина Т. А. О категориях «метод» и «подход» в научных юридических исследованиях	44
Зайцева Е. С. К вопросу о соотношении понятий «сфера правового регулирования» и «предмет правового регулирования»	45
Иванов А. А. Состояние органов общей полиции царской России в условиях военного времени в июле 1914 — феврале 1917 года.	47
Ишкаев М. Р. Формирование запрета на кровную месть в древнерусском праве.	51
Киселев С. С. Беззащитность детей в информационном пространстве. Что дальше?	52
Кожевина М. А. К вопросу о периодизации советского образовательного права	54
Кузьмин И. А. Проблема выбора и применения способов толкования права	56
Купцова О. Б. Латинская терминология и фразеология в формировании языковой культуры юриста как предпосылка совершенствования юридической науки и практики	58
Липич О. А. Роль потребительской кооперации в решении вопросов продовольственной безопасности: историко-правовой аспект	60
Лушин А. Н. История одного письма	62
Матиенко Т. Л. Досудебное уголовное производство в России в первой половине XIX века: соотношение «дознания» и «розыска»	64
Москаленко Г. Е. Солидарность как основа права на достойное существование: взгляд П. И. Новгородцева.	69
Небратенко Г. Г. Развитие органов власти Российской империи по управлению полицией в казачьих войсках.	71
Нефедова К. А. К вопросу о правовом стимулировании информирования о преступлениях	76

Орлов Д. В. Влияние традиций и ритуалов на воспитание сотрудников органов внутренних дел: историко-правовой аспект	78
Осипов М. Ю. Правовой институт как основной элемент системы права	79
Парфенов А. В. Компромисс в правотворчестве как инструмент оптимизации содержания системы права	80
Полякова Е. С. Антикоррупционная политика современной России.	83
Попова А. В. Понятие и структура гражданского общества в трудах мыслителей начала XX века.	85
Попова В. В. К вопросу о позитивной юридической ответственности	87
Решетнева Т. В. Краткий обзор принципов, применяемых Конституционным Судом Российской Федерации при разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией России постановлений Европейского Суда по правам человека	88
Слабухо М. Е. К вопросу о дифференциации юридической ответственности в отечественном праве	90
Соборнов П. Е. Политические и правовые учения в России 1917 года: выбор пути развития страны	91
Соломенникова М. А. Соответствие международным стандартам как принцип правовой политики Российской Федерации.	93
Тасыбаева Ж. З. К вопросу о природе депутатского мандата депутата представительного органа местного самоуправления.	95
Тепляшин П. В. Английская пенитенциарная политика и тюремная реформа («Prison Safety and Reform» 2017–2020).	97
Терехова Л. А. Изменение структуры и компетенции судов гражданской юрисдикции	98
Толстик В. А. К вопросу о бюрократизации государственного управления	101
Тюменцева Г. И. Молодежь как социальный капитал (региональный аспект)	103
Ханин С. В. Актуальные проблемы взаимодействия полиции и населения.	106

Червяковский А. В. Закон Кыргызской Республики «О нормативных правовых актах Кыргызской Республики» и проект федерального закона «О нормативных правовых актах» об официальном опубликовании и вступлении в силу нормативных правовых актов	108
Юрицин А. А. Некоторые проблемы социологического подхода к пониманию правоотношения	109
Язов А. Н. Понятие «народ» в контексте идеи народного суверенитета: взгляд российских либеральных правоведов второй половины XIX — начала XX века	110
Яцук Т. Ф. Эволюция политики России в сфере высшего образования в новейшее время	112
Сведения об авторах	115

Научное издание

ПРАВО И ПОЛИТИКА:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

*Тезисы докладов и сообщений участников
всероссийской научно-практической конференции*

Редактор Ю. А. Прудникова

Корректор Л. И. Замулло

Технический редактор А. В. Сергеев

ИД № 03160 от 02 ноября 2000 г.

Подписано в печать 10.11.2017. Формат 60×84/16. Бумага офсетная № 1.

Усл. печ. л. 7,2. Уч.-изд. л. 6,4. Тираж 120 экз. Заказ № 214.

Редакционно-издательский отдел

Отделение полиграфической и оперативной печати

644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7